

Московскій университетъ въ 60-хъ годахъ.

*Первыя впечатлѣнія. Профессора. Студенты. Дѣло Ничева.
Общественная жизнь Москвы. Университетъ въ 60-е г.г.*

Представляя на судъ читателя свои университетскія воспоминанія, я не претендую на то, чтобы въ нихъ онъ нашелъ полную картину всего университетскаго строя той далекой уже отъ насъ эпохи. Московскій университетъ и въ то время уже былъ такимъ громаднымъ, сложнымъ организмомъ, что ни одинъ студентъ не могъ въ теченіе своего 4-хъ лѣтняго въ немъ пребыванія охватить, оцѣнить и сохранить въ памяти своей всю жизнь этого организма во всѣхъ ея подробностяхъ, и тѣмъ менѣе можетъ онъ изобразить ее по своимъ воспоминаніямъ, по прошествіи многихъ лѣтъ. Вслѣдствіе этого такія воспоминанія, волей-неволей должны ограничены быть тою областью университетской жизни, въ которую лично входилъ авторъ, которая была ему извѣстна по собственному его опыту. Такія индивидуально-особооблеченныя воспоминанія имѣютъ цѣну лишь по степени точности авторской памяти, разъ они излагаются имъ много лѣтъ спустя, а съ другой стороны они не обезпечены отъ двойной опасности: во-первыхъ, они могутъ быть неполными, односторонними, разъ авторъ ихъ не былъ посвященъ во всѣ подробности изображаемой имъ эпохи, не охватывалъ весь бытъ или всю картину того учрежденія, въ которомъ онъ пребывалъ, а во-вторыхъ, въ нихъ можетъ чувствоваться недостаточность объективности, ибо авторъ излагаетъ лишь то, что лично его касалось, въ чемъ онъ участвовалъ, что видѣлъ своими глазами. Въ какой мѣрѣ я избѣгъ этихъ двухъ подводныхъ камней, я не берусь судить, а прошу читателя извинить меня, если онъ не будетъ удовлетворенъ чтеніемъ моего повѣствованія.

Августъ 1916 г.

I.

Я вступилъ въ число студентовъ Московскаго университета въ 1865 году. Вступительные экзамены происходили въ маѣ и за-

кончились въ первыхъ числахъ іюня, и объ этихъ экзаменахъ стоитъ сказать нѣсколько словъ, ибо они сопровождались нѣкоторыми, характерными для того времени чертами и, кромѣ того, дали мнѣ возможность встрѣтиться съ лицами, заслуживающими упоминанія.

Я не проходилъ гимназическаго курса въ стѣнахъ гимназіи—въ то время это не было еще болѣе или менѣе обязательнымъ, или неизбѣжнымъ, какъ впослѣдствіи,—а получилъ такъ называемое домашнее воспитаніе, т.-е., ко мнѣ на домъ приходили учителя, давали мнѣ часовые и духчасовые уроки и получали по 3 и по 5 руб. за часъ. Въ ту, далекую уже отъ насъ эпоху, требованій было немного, программа гимназическаго курса была не очень то нагружена, не было мучительнаго и бесплоднаго классицизма. Прохожденіе этой программы было легко, чего лучшимъ доказательствомъ являюсь я, ибо я оказался подготовленнымъ къ поступленію въ университетъ въ два учебныхъ года. Почти двухлѣтнее пребываніе мое за границей съ моими родителями не дало мнѣ возможности правильно слѣдовать программѣ, и только съ осени 1863 года занятія мои начались, какъ подобало. Конечно, педагогъ-классикъ настоящаго времени придетъ въ ужасъ отъ подобной быстроты и припишетъ ее либо преступной снисходительности преподавателей-экзаминаторовъ, либо моимъ выдающимся способностямъ. Ни того ни другого не было, а дѣло объяснялось очень просто. Въ то время, какъ и до того, въ силу обычая, настоящею, реальною цѣлью школьнаго воспитанія молодыхъ людей была исключительно подготовка ихъ къ университетскому экзамену, прохожденіе ими преподанной программы ради удовлетворительныхъ, по возможности, отвѣтовъ на немъ. О познаніяхъ какъ будто заботы не было, а равно и о томъ, чтобы преподаваемая въ средней школѣ познанія служили прочною основою для дальнѣйшаго, почему надо признаться, что мы въ университетѣ были круглыми невѣждами во всѣхъ тѣхъ предметахъ, которые не входили въ курсъ избраннаго нами факультета. Разъ экзаменъ былъ сданъ, и юноша превращался въ студента, онъ быстро забывалъ все, что мучило его до экзамена: юристъ забывалъ алгебру и геометрію, естественникъ—исторію, а медикъ то и другое.

Съ введеніемъ классической системы и перегруженіемъ гимназической программы, такое домашнее воспитаніе сдѣлалось почти невозможнымъ. Жалѣть объ этомъ нечего, ибо, съ одной стороны, это воспитаніе и въ мое время было очень легковѣснымъ и безконтрольнымъ, а съ другой оно не вырабатывало въ молодыхъ людяхъ ни благороднаго соревнованія, ни въ особенности привычки говорить публично, каковая привычка сама собою развивается въ

юношѣ, отвѣчающемъ учителю въ классѣ, въ присутствіи своихъ товарищей. Не этимъ ли отчасти объясняется отсутствіе настоящихъ ораторовъ въ средѣ нѣкоторыхъ общественныхъ нашихъ круговъ?

Экзаменъ мой происходилъ въ 4-й гимназіи, донинѣ помѣщающейся на Покровкѣ, въ домѣ, когда-то принадлежавшемъ князю Трубецкому и извѣстномъ москвичамъ подъ названіемъ «комода». Дико и жутко было мнѣ, когда я въ первый разъ очутился въ классѣ, куда ввелъ меня директоръ гимназіи Копосовъ, и сѣлъ на скамью съ попнитромъ, среди сидѣвшихъ на сосѣднихъ «шартахъ», юношей, болѣе или менѣе взрослыхъ, и вовсе непохожихъ на тѣхъ салонно-благовоспитанныхъ юношей, которыхъ я привыкъ видѣть. Я нѣсколько опомнился, увидавъ среди нихъ одно знакомое мнѣ лицо—Всеволода Миллера. Это былъ сынъ небезызвѣстнаго въ свое время литератора и поэта Ф. Б. Миллера, бывшій впослѣдствіи профессоромъ сравнительнаго языковѣдѣнія и директоромъ Лазаревскаго института.

Насъ въ классѣ сидѣло человекъ 20—все плоды домашняго воспитанія,—и, будучи совершенно неизвѣстны другъ другу, мы сидѣли въ полномъ безмолвіи, тогда какъ въ сосѣдней комнатѣ шумѣли и галдѣли мѣстные гимназисты старшаго класса, тоже державшіе выпускные экзамены. Вошелъ учитель русской словесности и задалъ намъ четыре темы для сочиненія на выборъ. Я взялъ тему о Ломоносовѣ и въ теченіе трехъ часовъ написалъ сочиненіе на двухъ листахъ бумаги, на которыхъ уже заблаговременно была надписана моя фамилія. Сдавъ свое произведеніе приставленному къ намъ надзирателю, я ушелъ домой, а на другой день я узналъ, что получилъ пятерку. Какъ же я возгордился!

А этотъ учитель русской словесности былъ уже и въ то время извѣстный своими работами, а впослѣдствіи стяжавшій себѣ громкую славу, педагогъ—Левъ Ивановичъ Поливановъ. Ближе познакомился я съ нимъ гораздо позднѣе, когда мои сыновья были въ его частной гимназіи. Это былъ настоящій педагогъ-идеалистъ, всею душою преданный своей задачѣ, искренній поклонникъ изящнаго въ самомъ широкомъ смыслѣ, умѣвшій внушать культъ этого изящнаго ввѣренной ему молодежи. Съ нѣжною любовью и съ тонкимъ умѣньемъ развивалъ онъ эти умы, и этимъ рѣзко отличался отъ современныхъ ему педагоговъ классической школы. Крупною заслугой Поливанова было еще и то, что онъ былъ дѣйствительно воспитателемъ юношей, учившихся въ его гимназіи, развивалъ ихъ умы и ихъ культурность, а не простымъ учителемъ, начинявшимъ ихъ познаніями въ предѣлахъ программы, и это доказывается тѣмъ, что ученики его гимназіи

никогда не порывали съ нею своихъ духовныхъ связей и навсегда сохраняли благодарную память о ней. Не часто встрѣчается подобное въ другихъ заведеніяхъ.

Когда, черезъ два дня послѣ письменнаго экзамена, я держалъ устный, я понялъ, что Поливановъ представлялъ собою человѣка особаго рода, не похожаго на общій типъ учителей. Мнѣ попался билетъ о Дантѣ, но онъ такъ увлекся этою темою, что, почти не спрашивая меня, прочелъ мнѣ цѣлую лекцію о флорентійскомъ поэтѣ и его времени.

Изъ латинскаго языка меня экзаменовалъ—и въ теченіе двухъ лѣтъ преподавалъ его мнѣ на дому,—старичокъ Битовтъ, очень добрый, но довольно ограниченный и простодушный человѣкъ, и его экзаменъ сопровождался комическимъ обстоятельствомъ, характернымъ для того времени и способовъ преподаванія, бывшихъ тогда въ ходу. Мои познанія въ латыни были болѣе чѣмъ слабы, по винѣ ли Битовта, или по моей,—не берусь судить, но дѣло въ томъ, что директоръ 4-й гимназіи Копосовъ былъ прежде учителемъ латинскаго языка и поэтому любилъ участвовать въ экзаменовкѣ, особенно новичковъ изъ «домашнихъ». Битовту это было извѣстно, и поэтому онъ велѣлъ мнѣ выучить въ совершенствѣ разборъ рѣчи Ганнона изъ Тита Ливія, что я и сдѣлалъ подъ его руководствомъ. Подхожу я къ экзаменаціонному столу, за которымъ сидятъ Битовтъ и директоръ. Битовтъ добродушно и съ невиннымъ выраженіемъ лица перелистываетъ книгу и что-то бормочетъ вполголоса директору, дабы не дать ему возможности обратиться ко мнѣ съ вопросами, а затѣмъ велитъ мнѣ перевести и разобрать рѣчь Ганнона. Я отвѣчаю мастерски, директоръ приходитъ въ восторгъ и ставитъ мнѣ пятерку, что не помѣшало мнѣ остаться навсегда круглымъ невѣждой въ латинскомъ языкѣ.

Математику и физику преподавалъ мнѣ на дому и экзаменовалъ въ гимназіи А. Ф. Малининъ, который, вмѣстѣ съ Буренинымъ издалъ многочисленные учебники, кажется еще и понынѣ служащіе руководствомъ въ средней школѣ. Это былъ очень милый, образованный человѣкъ, въ то время принадлежавшій къ новѣйшей формаціи педагоговъ, рѣзко отличавшейся отъ прежнихъ традиціонныхъ типовъ. Потомъ онъ долго состоялъ директоромъ учительскаго института въ Москвѣ.

Вкратцѣ упомяну я о прочихъ моихъ экзаменахъ. Священникъ А. С. Ильинскій, тогда еще сравнительно молодой, впоследствии былъ настоятелемъ Успенскаго собора, и мы съ нимъ довольно часто встрѣчались у покойнаго князя В. А. Долгорукова, московскаго генераль-губернатора, коего онъ былъ духовникомъ. Изъ исторіи экзаминовалъ меня В. М. Пржевальскій, братъ знамени-

таго путешественника. Онъ только что кончилъ университетскій курсъ и вступилъ въ число преподавателей 4-й гимназіи, откуда черезъ годъ, тотчасъ по введеніи судебной реформы, перешель въ адвокатуру и стяжалъ себѣ въ ней громкое имя, какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ гражданскаго права и судопроизводства. Крупную роль игралъ онъ въ Московскомъ Городскомъ Управленіи, гдѣ я съ нимъ вновь встрѣтился и завязалъ очень близкія и дружественныя отношенія. Экзаменовавшій меня изъ географіи учитель гимназіи Марксъ черезъ годъ послѣ того оказался серьезно замѣшаннымъ въ дѣлѣ покушенія на жизнь Государя, произведенномъ Каракозовымъ, и кончилъ чуть не каторгой.

Когда экзамены кончились, и я очутился на свободѣ, въ деревнѣ, я долго не могъ опомниться, не могъ приучить себя къ свободному образу жизни, безъ уроковъ и мучительныхъ къ нимъ приготовленій, безъ учебниковъ, лексиконовъ и задачникъ. Хорошее то было чувство, усиливающееся еще сознаніемъ того, что я уже студентъ, что уже принадлежу къ корпораціи тѣхъ, которые были мнѣ извѣстны и передъ которыми я дотолѣ, мелкій подростокъ, привыкъ какъ-то подобострастно благоговѣть.

II.

По прошествіи лѣта, а именно во второй половинѣ августа 1865 года, я фактически вступилъ въ университетъ, на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета. Само собою разумѣется, что на первыхъ порахъ моего пребыванія въ университетскихъ стѣнахъ я очутился, какъ въ лѣсу, до того все было ново, даже дико для меня, привыкшаго къ исключительно семейной обстановкѣ и къ урокамъ съ глазу на глазъ съ учителемъ. Тутъ-то я рѣзко ощутилъ недостаточность моей подготовки, сравнительно съ гимназическимъ, публичнымъ, такъ сказать, воспитаніемъ, которое дало бы мнѣ возможность быстро освоиться съ университетскимъ курсовымъ преподаваніемъ. Мнѣ пришлось продолжительное время приучать себя къ внимательному слушанію и запоминанію и нетрудно было мнѣ замѣтить, что всѣ, подобные мнѣ, воспитанные домашнимъ способомъ, были въ томъ же положеніи, какъ и я, и не могу скрыть, что всѣ мы, домашніе, оказывались студентами слабыми, далеко отстававшими на первыхъ порахъ отъ своихъ товарищей, подготовленныхъ въ гимназіяхъ. При этомъ я, какъ и нѣкоторые изъ моихъ сверстниковъ, въ первые мѣсяцы студенчества, заплатили дань одному крупному заблужденію. Намъ казалось и намъ говорили, что недостаточно слушать профессора и вникать въ излагаемое имъ съ кафедръ, а нужно

еще записывать его слова и затѣмъ у себя дома редактировать лекцію. На первыхъ порахъ я счелъ себя обязаннымъ это дѣлать— началъ записывать лекціи всѣхъ профессоровъ, не имѣя конечно ни малѣйшаго понятія о стенографіи, и старался дома составлять лекции, но изъ этого выходила такая ерунда, что мнѣ стало стыдно, и я бросилъ это занятіе. Не могу пройти молчаніемъ и другую характерную черту студенчества того времени, которая получила силу какого-то обычая. Черта эта, заимствованная впрочемъ нами изъ преданій первоначальнаго нашего воспитанія, заключалась въ томъ, что громадное большинство студентовъ занималось и въ университетѣ для экзамена, для успѣшной сдачи его. Конечно, это не относится къ тѣмъ, кто уже на университетской скамьѣ выбралъ себѣ ту или другую специальность. Большая часть изъ насъ ничего не дѣлала въ продолженіе всего учебнаго года, вплоть до великаго поста, и съ перваго его дня мы брались за литографированныя лекціи и тѣ печатныя руководства, которыя намъ рекомендованы были профессорами, и принимались «зубрить».

Немало времени прошло, пока я присматривался къ окружающему меня, совсѣмъ новому для меня, міру, къ лицамъ моихъ однокурсниковъ-товарищей, пока не свылся съ атмосферой университетскихъ аудиторій. Да простятъ мнѣ читатели, если я займу на нѣкоторое время ихъ вниманіе своими наблюденіями надъ студентами моего времени.

Въ то время, а, быть можетъ, и во всякое время,—студенты дѣлились на дѣтей и мужчинъ. Это дѣленіе не имѣетъ никакого отношенія къ курсу или возрасту: студенты-дѣти бывали и на IV курсѣ, какъ студенты-мужчины на I-мъ. О дѣтяхъ нечего распространяться, ибо самое названіе это вполне ихъ характеризуетъ. Что касается до студентовъ-мужчинъ, то я хорошо помню, какъ удивлялся я, встрѣчая на I-мъ курсѣ людей, уже вполне готовыхъ, зрѣлыхъ, прошедшихъ уже извѣстную, болѣе или менѣе суровую школу жизни, и къ тому же такихъ, которые обладали уже достаточнымъ запасомъ познаній, чтобы при случаѣ поспорить съ профессоромъ или въ бесѣдѣ съ товарищами доказать ошибочность того или другого вывода и мнѣнія его. Эту зрѣлость свою проявляли они не только въ общихъ нашихъ студенческихъ дѣлахъ или учебныхъ интересахъ курса, но и въ другихъ областяхъ, когда въ свободныя минуты между лекціями или гдѣ-нибудь на сторонѣ у насъ затѣвались бесѣды и споры о разныхъ вопросахъ: политическихъ, соціальныхъ и пр., и когда мы, новички, слышали ихъ рѣчи, выражавшія опредѣленные, продуманныя мнѣнія и воззрѣнія. Этому дивились мы, привыкшіе покорно слушать совсѣмъ иные мнѣнія и сужденія и безмолвно-

вать, когда намъ говорили, что не наше дѣло судить о томъ-то и о томъ, и какая-то особаго рода зависть къ другимъ и сожалѣніе къ себѣ мало-по-малу прѣбывалась въ наши воспріимчивыя души. Какъ однако правъ былъ Пироговъ, сказавъ, что университетъ, какъ капля дождя, отражаетъ въ себѣ весь окружающій міръ, живетъ одною съ нимъ жизнью, и что все доброе и все злое въ одномъ встрѣчаетъ громкій и вѣрный отзвукъ въ другомъ!

Далѣе, студенты дѣлились на такихъ, которые шли въ университетъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ работать въ избранной ими заранѣ области знанія, и на такихъ, которые шли потому, что принято было оканчивать свое образованіе прохожденіемъ курса въ высшемъ училищѣ, или которые искали дипломъ, дающій извѣстныя служебныя права и нѣкоторыя, впрочемъ довольно отвлеченныя, привилегіи въ общежитіи, гдѣ уже и тогда болѣе цѣнились люди съ высшимъ образованіемъ. Надо признаться, что студенты этой послѣдней категоріи, въ извѣстной степени, оправдывали довольно таки обидное для университета названіе фабрики дипломовъ. Впрочемъ, значительная часть этихъ студентовъ оказалась выброшенными за бортъ, какъ балластъ, при первыхъ же переходныхъ экзаменахъ.

Что касается до студентовъ, работающихъ по той или другой специальности, избранной ими нерѣдко съ 1-го курса, то, откровенно говоря, ихъ было немного, но тѣ изъ нихъ, которые этимъ выдѣлялись, внушали къ себѣ въ прочихъ особаго рода уваженіе. Но, странное дѣло! въ то время идея о научной специальности и о посвященіи себя таковой съ университетской скамьи, неразрывно слита была съ идеей о преподаваніи, и нерѣдко, когда рѣчь заходила о такой специализаціи и приводились всякіе доводы противъ нея, мнѣ приходилось слышать такой стзывъ: «Не всѣмъ же быть профессорами!» Исчезло ли это нынѣ?

Въ то время въ нѣкоторыхъ кругахъ общества довольно распространено было особаго рода предубѣжденіе противъ студентовъ, которое было смѣсью боязни, недовѣрія и враждебности. Въ студентахъ видѣли то какихъ-то разбойниковъ, то революціонеровъ, для которыхъ нѣтъ ничего святого, то кутиль-соблазнитель, и это послѣднее нареканіе исходило преимущественно отъ женской половины общества. Относительно разбойнаго характера студенчества, то объ этомъ нечего говорить, ибо нельзя же было требовать равной благовоспитанности отъ молодежи съ ея горячими головами, слетѣвшей въ одно мѣсто со всѣхъ сторонъ и краевъ нашего отечества. Что касается до политики, то надо сказать, что эпоха моего вступленія въ университетъ была совершенно спокойною въ этомъ отношеніи, но въ нашей средѣ живы

были традиціи прошлаго, преданія о волненіяхъ и смутахъ, происходившихъ какъ въ самыхъ стѣнахъ университета, такъ и внѣ ихъ. Много говорилось объ этомъ между нами, многое передавалось отъ курса къ курсу, какъ передавались изъ рукъ въ руки запрещенные плоды—произведенія Герцена и другихъ. Какъ ни старался я разглядѣть въ своихъ современникахъ-студентахъ симптомы принадлежности ихъ къ числу тѣхъ кошмарныхъ нигилистовъ (слово это только что введено было Тургеневымъ), которыми насъ такъ охотно пугали, но конечно высмотрѣть ничего не могъ. Вообще о политическихъ броженіяхъ въ умахъ, какъ равно о студенческихъ кутежахъ, можно сказать только одно, что мы были молоды.

Въ современномъ мнѣ студенчествѣ была еще одна особенность, заслуживающая вниманія. Оно переживало эпоху переходную, или скорѣе промежуточную, когда порядки николаевского режима безвозвратно отошли въ область преданій, а порядки, изобрѣтенные г.г. Катковыми и Леонтьевыми, надломившіе весь строй нашихъ университетовъ, еще не вводились. Благодаря этому, студенчество, болѣе не облеченное въ мундиры, не подлежащее никакому спеціальному надзору внѣ университета, не подчиненное какой-либо особой дисциплинѣ, кромѣ самой элементарной и притомъ только въ аудиторіяхъ, представляло собой разнообразную, разношерстную толпу, ничѣмъ не отличавшуюся отъ уличной или обывательской толпы, но съ присущимъ молодежи оттѣнкомъ богемы. Этотъ общій, не обособляющійся, характеръ еще усиливался тѣмъ, что въ средѣ студентовъ было много такъ называемыхъ вольнослушателей, которые свободно допускались въ университетъ для слушанія лекцій, безъ обязательства держать экзамены, и которые, ничѣмъ не отличаясь отъ настоящихъ студентовъ, вносили въ ихъ среду обывательскій, такъ сказать, элементъ. Не могу не сказать, что эта свобода товарищескаго общенія, эта пестрота окружавшей меня толпы молодежи, это отсутствіе видимыхъ проявленій власти или надзора, крайне поражали меня, наслушавшагося рассказовъ моихъ братьевъ и ихъ товарищей о томъ, какъ въ ихъ время процвѣталъ карцеръ, какъ бывало инспекторъ дѣлалъ выговоры за слишкомъ длинные волосы или небритый подбородокъ или отправлялъ въ этотъ карцеръ за черезчуръ шумное одобреніе въ театрѣ, или за веселую пирушку въ трактирѣ. *Tempora mutantur*,—молвилъ я себѣ.

III.

Въ коллегіи профессоровъ, читавшихъ на первомъ курсѣ естественниковъ, первое мѣсто принадлежало безспорно профессору

зоологін А. П. Богданову. Я много слышалъ о немъ и ранѣе, мои товарищи по курсу не преминули предупредить меня, что онъ — гроза на экзаменахъ, и что надо всѣми силами стараться усвоить его предметъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ я его первую лекцію, вслушивался въ его невозмутимо-спокойную рѣчь, звучавшую тоненькимъ фальцетомъ, и прерываемую учащеннымъ дыханіемъ, и съ этой первой же лекціи онъ очаровалъ меня, скажу даже приковалъ меня къ себѣ. Все въ его изложеніи было продумано, проработано, онъ не увлекался внѣшними формами, не прибѣгалъ къ ораторскимъ пріемамъ, къ картиннымъ эффектамъ или занимательнымъ подробностямъ, но, какъ изъ пѣсни, и изъ его лекціи нельзя было выкинуть ни одного слова. Я сказалъ, что онъ приковалъ меня къ себѣ и считаю себя вправѣ дополнить эти слова тѣмъ, что, начиная съ университета, между нами создались самыя тѣсныя, дружественныя отношенія, сохранившіяся неизмѣнно до самой его смерти въ 1897 году.

Это былъ въ полномъ смыслѣ слова выдающійся человекъ, натура широкая, цѣльная, твердая, но въ то же время умѣвшая съ рѣдкимъ искусствомъ приспособляться, безъ какихъ-либо послабленій, къ условіямъ и обстоятельствамъ времени, и обладавшая громаднымъ организаторскимъ талантомъ, но чуждая всякихъ дешевыхъ эффектовъ. Читая зоологію, онъ дополнялъ свои лекціи практическими занятіями, обязательными для всѣхъ, и, всматриваясь въ работы студентовъ, онъ выбиралъ изъ ихъ среды тѣхъ, кто, казалось ему, были наиболѣе способными для дальнѣйшихъ занятій по зоологіи, и ихъ специально отшлифовывалъ. Такимъ образомъ вокругъ него создавалась школа, изъ года въ годъ выпускавшая дѣятелей по разнымъ отраслямъ научнаго и общественнаго труда и непрерывно пополнявшаяся новыми элементами, и всѣ эти дѣятели-труженики, сохранявшіе на всю жизнь свои связи съ Богдановымъ и его кафедрой, стяжали себѣ въ послѣдствіи болѣе или менѣе громкія имена. Онъ готовилъ и создавалъ изъ нихъ крупныхъ помощниковъ себѣ по всѣмъ тѣмъ задачамъ, которыя онъ послѣдовательно бралъ на себя и въ которыхъ обнаруживалъ онъ во всемъ ихъ блескѣ свои организаторскіе таланты. А такихъ задачъ, имъ лично предпринятыхъ и выполненныхъ, было много. Кому, какъ не А. П. Богданову, принадлежитъ заслуга учрежденія въ Москвѣ общества любителей естествознанія, Политехническаго музея, устройство трехъ выставокъ — этнографической, политехнической и антропологической, — созваніе международнаго конгресса въ 1892 г., реальное основаніе русской антропологіи и т. д.? Нельзя при этомъ не отмѣтить одной, весьма характерной, черты: будучи инициаторомъ всѣхъ

этихъ предпріятій, ихъ душою, самъ онъ всегда оставался въ тѣни, уступалъ другимъ, выдвинутымъ имъ же, всѣ первыя роли, но всѣ, знавшіе его и его дѣятельность, хорошо видѣли и понимали, что онъ держитъ въ своихъ сильныхъ и умѣлыхъ рукахъ всѣ нити и пружины, двигавшія и одушевлявшія дѣло. Всѣмъ хорошо было извѣстно, что, когда какое-либо предпріятіе, пущенное имъ въ ходъ и порученное имъ другимъ, начинало колебаться и приходить въ упадокъ, то стоило обратиться къ А. П., чтобы дѣло вновь пошло на ладъ.

Какъ я уже сказалъ, я до конца его жизни пользовался его дружбой. Часто навѣщая его, особенно же въ послѣдніе годы его жизни, я находилъ какую-то особенную отраду въ его бесѣдѣ, происходившей въ его кабинетѣ, тѣсно уставленномъ высокими шкафами съ книгами и съ громадной клѣткой, въ которой помѣщались десятка два разныхъ птицъ, которыхъ онъ называлъ своей поэзіей. Бесѣды наши касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ, начиная съ судьбы любимыхъ его дѣтищъ—научныхъ и популярныхъ учреждений и кончая новѣйшими завоеваніями въ біологическихъ наукахъ, и изъ тѣхъ бесѣдъ я каждый разъ выносилъ себѣ нѣчто новое, поучительное, проливающее новый свѣтъ на занимавшее меня.

Возвращаясь къ его экзамену, который вовсе не былъ такимъ страшнымъ, какимъ мнѣ его изображали. Дѣло въ томъ, что Богдановъ зналъ своихъ студентовъ по ихъ практическимъ занятіямъ въ зоологическомъ музеѣ, и поэтому экзаменъ служилъ для него провѣркой не ихъ знаній въ абсолютномъ смыслѣ, а степени ихъ усвоенія себѣ приѣмовъ практической зоологіи. Вслѣдствіе этого на экзаменѣ онъ давалъ билеты съ 4-мя вопросами по одному изъ каждаго отдѣла зоологіи безпозвоночниковъ.

Я упомянулъ выше о практическихъ занятіяхъ, введенныхъ имъ. Занятія эти особенно развились на нашемъ II курсѣ, когда отдѣлана была новая аудиторія при зоологическомъ музеѣ,—нынѣ уже не существующемъ,—тогда какъ на I-мъ курсѣ А. П. читалъ свои лекціи въ новомъ зданіи университета, гдѣ не было надлежащихъ для такихъ занятій приспособленій. Руководили этими занятіями нашими молодые лаборанты зоологическаго музея, входившіе въ составъ упомянутой мною выше Богдановской плеяды. Въ мое время ихъ было четверо: Н. К. Зенгеръ, бывшій впоследствии однимъ изъ главныхъ дѣятелей выставки 1872 г. и первымъ секретаремъ Политехническаго музея, А. П. Федченко, прославившійся потомъ своими путешествіями и еще молодымъ трагически погибшій на Монбланѣ, и г.г. Ошанинъ и Ульянинъ, занявшіе впоследствии профессорскія кафедры въ провинціи.

Повторяю—это была одна изъ крупныхъ заслугъ Богданова—умѣніе создавать вокругъ себя школу сотрудниковъ, дѣятелей, могущихъ его замѣнять, пособлять ему и продолжать его дѣло, его трудъ въ другихъ мѣстахъ, съ другими людьми. А мысль о возможности такой замѣны, такого сотрудничества, порою пугала нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ и педагоговъ, которые не только не подражали въ этомъ Богданову, а дѣйствовали совсѣмъ обратно.

IV.

На I и II курсахъ ботанику намъ читалъ Н. Н. Кауфманъ, авторъ «Московской флоры», еще и доселѣ служащей настольною книгою для русскихъ флористовъ. Не могу не отмѣтить попутно, что это было моей излюбленной наукой, приковавшей меня еще задолго до поступленія въ университетъ. Кауфманъ былъ превосходнымъ знатокомъ своего предмета, специалистомъ въ полномъ значеніи этого слова, но его преподаваніе было сухое, теоретическое, и вина въ этомъ лежала не столько на немъ, сколько на общепринятомъ въ то время способѣ лекціоннаго преподаванія. Волей-неволей ботаническія лекціи заключались въ сухомъ перечисленіи формъ и ихъ измѣненій, видовъ, родовъ и семействъ растений и въ иллюстраціяхъ его картинками и гербарными экземплярами. Само собою разумѣется, что изъ этихъ лекцій мы не извлекли умѣнія обращаться съ живымъ матеріаломъ, не научились практическимъ приѣмамъ въ опредѣленіи растений, мы не совершили въ окрестностяхъ Москвы ни одной экскурсіи и только однажды были въ Ботаническомъ саду, по приглашенію профессора. Повторяю, упрекать за это Кауфмана нельзя, ибо таковъ былъ обычай, общепринятый чуть не для всѣхъ кафедръ и посвященный временемъ, а повернуть иначе дѣло преподаванія, сдѣлаться новаторомъ, ему было не по силамъ.

По поводу ботаники мнѣ приходится сдѣлать одно замѣчаніе профессиональнаго, такъ сказать, характера. Теоретичность ея преподаванія въ университетѣ, необходимость довольствоваться рисунками или высушеннымъ матеріаломъ, словомъ, книжное знакомство съ растительнымъ міромъ,—не есть ли это результатъ того, что учебное время совпадаетъ у насъ съ такимъ сезономъ, когда живого матеріала нѣтъ, и когда экскурсій и практическихъ занятій предпринимать нельзя? Оранжерейный и тепличный матеріалъ не можетъ замѣнять мѣстный, отечественный, ибо наши флористы будутъ имѣть дѣло только съ этимъ послѣднимъ, а не съ пальмами и тропическими орхидеями. Спрашивается, не въ этомъ ли должно искать причину того, что такъ еще сравни-

тельно мало изучена наша отечественная флора и что русскіе ботаники предпочитают посвящать себя анатоміи и физиологіи растений, т.-е., работать въ кабинетахъ и лабораторіяхъ? Прошу прощенья у моихъ читателей, что заговорилъ про domo sua.

Физику намъ читалъ Н. А. Любимовъ. Какъ ученый, онъ, кажется, ничѣмъ себя не заявилъ, кромѣ обязательныхъ диссертаций на ученые степени. Его лекціи были простымъ пересказомъ или развитіемъ гимназическаго курса и по обилію показываемыхъ имъ опытовъ, и по многословному ихъ объясненію походили скорѣе на представленія фокусника, чѣмъ на лекціи профессора. Онъ не пользовался симпатіями студентовъ и даже внѣшностью своею, приземистою, вертлявою, безпокойною, торопливою рѣчью скороговоркою, онъ производилъ на всѣхъ насъ какое-то странное впечатлѣніе, не допускавшее серьезнаго къ нему отношенія. Но была еще другая причина этого нерасположенія къ Любимову со стороны студентовъ, которые въ этомъ проявили извѣстную чуткость. Дѣло въ томъ, что Любимовъ, въ качествѣ друга и единомышленника Каткова и Леонтьева, участвовалъ въ редакціи ихъ газеты, на столбцахъ которой уже въ то время, начинался походъ противъ университетской автономіи, вообще противъ всего строя университетовъ. Походъ этотъ переживалъ еще первыя свои стадіи, но уже тогда въ средѣ студентовъ царило глубокое негодованіе на инициаторовъ и виновниковъ его, и мишенью этого негодованія былъ именно Любимовъ. (Катковъ уже не входилъ въ составъ профессуры, а Леонтьевъ читалъ на филологическомъ факультетѣ и потому былъ далекъ отъ насъ). Это настроеніе въ средѣ студентовъ едва не привело къ крупному скандалу на одной лекціи Любимова послѣ того, какъ сдѣлался извѣстнымъ бурный инцидентъ въ университетскомъ совѣтѣ, случившійся изъ-за Леонтьева. Скандалъ этотъ могъ быть тѣмъ болѣе крупнымъ, что Любимовъ читалъ одновременно первымъ двумъ курсамъ обоихъ отдѣленій нашего факультета—естественникамъ и чистымъ математикамъ,—и первому же курсу медицинскаго, что составляло аудиторію по меньшей мѣрѣ въ 200 человѣкъ.

Какъ извѣстно, послѣдствіемъ этого похода явился уставъ 1884 года, надолго затормозившій дѣло высшаго образованія у насъ. Въ составленіи этого устава большую роль игралъ Любимовъ, который для сего былъ переведенъ на службу въ центральное управленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Нельзя не удивляться тому, какія ничтожныя причины вызываютъ порою громадныя послѣдствія. Недаромъ говорятъ, что Москва сгорѣла отъ копеечной свѣчи: если бы Леонтьева не забаллотировали въ совѣтъ университета на степень заслуженнаго профессора, то ломки всего университетскаго строя. быть можетъ, и не было бы.

На I-мъ курсѣ анатомію человѣка намъ читалъ нѣкто К., по профессіи врачъ, но кажется безъ пациентовъ, по званію лаборантъ анатомическаго театра, а по достоинству совершенно нуль. Помню, какъ однажды, на первомъ костюмированномъ балу, устроенномъ артистическимъ кружкомъ въ залѣ Благороднаго собранія, я его встрѣтилъ: одѣтъ онъ былъ туркомъ, въ зеленой чалмѣ, широчайшихъ шароварахъ и желтыхъ туфляхъ. Эта фигура какъ-то мало согласовалась въ моихъ представленіяхъ съ званіемъ профессора.

Первымъ курсамъ всѣхъ четырехъ факультетовъ читалъ богословіе настоятель университетской церкви Н. А. Сергіевскій. Какъ человѣкъ и какъ ученый, онъ заслуживалъ глубокаго уваженія, но въ университетѣ его роль, какъ профессора богословія, была весьма неблагоприятная. Дѣло въ томъ, что обязательное для всѣхъ студентовъ I курса слушаніе богословскихъ лекцій было какъ бы уступкой общественному мнѣнію, чѣмъ-то условнымъ, дабы не дать повода сказать, что въ общемъ строѣ высшаго образованія богословію нѣтъ мѣста. Эти лекціи, безспорно содержательныя и талантливныя, но отрывочныя и состоявшія изъ небольшой части догматическаго или скорѣе полемическаго богословія, не были для насъ, за исключеніемъ впрочемъ словесниковъ, — связаны съ общимъ факультетскимъ курсомъ, а, кромѣ того, схоластическое опроверженіе теорій Ламарка и Дарвина въ одной аудиторіи и слѣдованіе имъ въ другой производили на насъ, естественниковъ, довольно своеобразное впечатлѣніе.

V.

Дабы не нарушать связности моего разсказа, я перейду къ профессорамъ, читавшимъ на слѣдующихъ курсахъ, а затѣмъ и къ профессорствовавшимъ на другихъ факультетахъ.

Наиболѣе крупною фигурой на естественномъ факультетѣ былъ Г. Е. Щуровскій, почтенный старецъ, но еще очень бодрый, подвижной. Онъ представлялъ собою какъ бы обломокъ далекаго прошлаго строгановской эпохи. Онъ питалъ къ нашему университету ту особенную, характерную любовь, которая присуща была профессорамъ его поколѣнія и которая создавала между ними какую-то неразрывную связь, такъ что трудно было бы себѣ представить Щуровскаго и подобныхъ ему безъ университета и обратно университета безъ нихъ. Лекціи его были содержательны, но нѣсколько однообразны по конструкціи и по изложенію. Онъ очень обращалъ вниманіе на аккуратное посѣщеніе ихъ студентами: напоминалъ лица отсутствовавшихъ и давалъ это чувствовать

имъ на экзаменахъ, въ очень правда мягкой, но внушительной формѣ.

Когда была упразднена должность инспектора студентовъ и замѣнена должностью проректора,—о чемъ рѣчь будетъ впереди,—Щуровскій былъ выбранъ на эту послѣднюю, но, само собою разумѣется, онъ не могъ взять на себя всѣ обязанности инспектора, т.-е. торчать цѣлый день въ университетѣ, выслушивать просьбы и претензіи студентовъ и вмѣшиваться въ ихъ пререканія и волненія. Но все же онъ всею душою отдался этому дѣлу: входилъ, по возможности, во всѣ подробности студенческихъ дѣлъ, старался помогать бѣдствующимъ, собиралъ подписи, участвовалъ въ устройствѣ концертовъ. Студенты, его слушавшіе, подмѣтили одну черту его, о которой передавалось отъ курса къ курсу. Когда-то, лѣтъ за 30 передъ тѣмъ, геологъ Вернейль изучалъ Уральскій хребетъ и, открывъ тамъ неизвѣстную еще ископаемую форму головоногаго моллюска, назвалъ ее именемъ Щуровскаго. Старикъ очень любилъ слышать это названіе, и студенты не упускали случая назвать его на экзаменахъ, безразлично относилось ли оно къ данному вопросу или нѣтъ, и Щуровскій, какъ намъ казалось, повышалъ баллы.

Онъ былъ близкимъ другомъ А. П. Богданова и былъ въ числѣ тѣхъ, кого этотъ послѣдній выдвигалъ впередъ, и, между прочимъ, призвалъ его стать во главѣ выставки 1872 г., а затѣмъ и ея дѣтища—Московского Политехническаго музея.

Крупную величину, но не столько какъ профессоръ, сколько какъ общественный дѣятель ярко либеральной окраски, представлялъ собою профессоръ технологии М. Я. Киттары. Читалъ онъ рѣдко, съ продолжительными промежутками, будучи поглощенъ другими служебными обязанностями: кромѣ профессуры, онъ былъ директоромъ практической академіи, завѣдующимъ техническимъ отдѣломъ военнаго интендантства, редакторомъ одного технического журнала и участникомъ въ разнаго рода промышленныхъ предпріятіяхъ. Онъ свободно совмѣщалъ все это и быстро становился «душою» всякаго дѣла, за которое брался, подкупая всѣхъ, съ кѣмъ соприкасался, своими дарованіями и познаніями, а въ то же время своимъ остроуміемъ, неисчерпаемою веселостью и живостью. Помню я одинъ случай, довольно ярко характеризующій его отношенія къ студентамъ: я у него держалъ экзаменъ въ концѣ 4-го курса, и въ то время уже стали вводить строгости, подтягивать и, между прочимъ, требовалось, чтобы студентъ отвѣчалъ, стоя передъ столомъ. Мнѣ попался билетъ, потребовавшій продолжительнаго отвѣта. Едва началъ я говорить, къ столу подходитъ деканъ Давидовъ и садится рядомъ съ Киттары. Я слышу,

какъ этотъ послѣдній шепчетъ Давидову: «да посади его», а тотъ отвѣчаетъ вполголоса, что этого нельзя. «Ну, такъ и я встану», съ сердцемъ проговорилъ уже громко Киттары, да такъ и простоялъ все время, пока не проэкзаменовалъ всѣхъ до послѣдняго студентовъ 4-го курса.

Существовала тогда кафедра сельскаго хозяйства и занималъ ее старичокъ Калиновскій, добрыйшій человекъ. Для характеристики его достаточно будетъ сказать, что онъ читалъ свои лекціи по литографированнымъ запискамъ предыдущаго года.

Химію читалъ Н. Э. Лясковскій. Если это имя не оставило глубокаго слѣда въ исторіи науки, то память о немъ, какъ о профессорѣ, навсегда сохранилась въ слушавшихъ его лекціи. Трудно себя представить, чтобы такой сухой, однообразный и даже неблагоприятный предметъ, какъ неорганическая химія, могъ быть излагаемъ съ такимъ изяществомъ и такою картинною полнотою. Любая лекція Ляковского была законченною, превосходно отделанною поэмой, думаю, что этотъ терминъ не будетъ преувеличеніемъ. Въ своемъ изложеніи онъ не ограничивался фактическими данными, дробными и сухими подробностями химическаго анализа, а свободно переходилъ отъ нихъ къ высшимъ задачамъ образованія и метаморфозы элементовъ въ природѣ. Своимъ краснорѣчіемъ онъ завоевалъ себя громкую славу въ университетѣ, и слушать его приходили студенты и другихъ факультетовъ.

Къ сожалѣнію, я его слушалъ только въ теченіе 1-го полугодія 2-го курса, ибо онъ заболѣлъ и уѣхалъ за границу, поручивъ чтеніе дальнѣйшаго курса своему лаборанту, Феррейну, сыну и брату извѣстныхъ въ Москвѣ аптекарей, но послѣ Ляковского лекціи эти казались чѣмъ-то архаическимъ, неудобоваримымъ. Несмотря на несомнѣнную эрудицію Феррейна. Въ слѣдующемъ году органическую химію началъ читать нѣкто Кирилловъ, молодой магистрантъ, но вскорѣ заболѣлъ и исчезъ съ университетскаго горизонта и, такимъ образомъ, весь нашъ курсъ остался безъ органической химіи. Пробѣлъ этотъ оказался для меня лично весьма чувствительнымъ въ послѣдствіи.

Такой же пробѣлъ имѣлъ мѣсто и на другой кафедрѣ. На 3-мъ нашемъ курсѣ анатомію растений читалъ профессоръ С. А. Рачинскій, который долженъ былъ читать намъ фізіологію растений на 4-мъ, но онъ покинулъ университетъ, о чемъ рѣчь будетъ далѣе,—а кандидатъ на эту кафедру, магистрантъ Чистяковъ, находился еще за границей. Этотъ пробѣлъ былъ особенно тяжелъ для меня въ послѣдующихъ моихъ ботаническихъ занятіяхъ. Рачинскій былъ ботаникъ-дилетантъ, изслѣдователь цвѣта и запаха цвѣтовъ, какъ его прозвали въ шутку. Покинувъ универ-

ситеть, онъ покинулъ и самую науку и посвятилъ себя совсѣмъ другому роду дѣятельности.

Вторымъ профессоромъ зоологiи былъ С. А. Усовъ. Громаднаго роста, полный, съ красивымъ выразительнымъ лицомъ, онъ отличался подкупающею привѣтливостью, живостью ума, блестящимъ остроуміемъ. Всесторонне образованный, прекрасно владѣющій языками, общительный, онъ всегда былъ душою общества или кружка, въ который попадалъ и, благодаря этому, онъ пользовался широкой популярностью не въ одномъ университетѣ, а далеко за его стѣнами. Но, какъ часто это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эта популярность, казалось, застилала его роль, какъ ученаго и профессора. Его лекціи, красивыя по формѣ и изложенію, состояли преимущественно изъ подробнаго описанія образа жизни позвоночныхъ, охоты на дикихъ животныхъ, развитія ихъ въ ручномъ состояніи, но лишь только приходилось ему касаться общихъ біологическихъ задачъ, онъ какъ-то запутывался и часто прибѣгалъ къ чтенію изъ книгъ. Въ послѣдніе годы своей жизни,—а умеръ онъ сравнительно не старымъ,—онъ совсѣмъ забросилъ зоологію и всецѣло отдался работамъ по церковной археологіи и иконописи.

На 1-мъ нашемъ курсѣ аналитическую геометрію читалъ намъ В. Я. Цингеръ. Почему-то наука эта была включена въ число предметовъ обязательныхъ и для естественниковъ, но по преданіямъ, передаваемымъ отъ курса къ курсу, никто изъ студентовъ-естественниковъ ею не занимался и не готовился къ экзамену. Цингеръ это зналъ и подчинялся такому преданію, вслѣдствіе чего на экзаменѣ, послѣ двухъ-трехъ вопросовъ, на которые получались самые неудовлетворительные отвѣты, онъ ставилъ сплошныя двойки, каковыя считались переходными баллами. Глубокій философъ, замѣчательный ораторъ, Цингеръ стяжалъ себѣ прочную репутацію въ двухъ научныхъ областяхъ—въ высшей математикѣ и въ ботаникѣ, и подъ конецъ жизни его эта послѣдняя получила въ немъ рѣшительный перевѣсъ.

О прочихъ профессорахъ нашего факультета я упомяну вкратцѣ. Минералогію читалъ молодой и симпатичный Толстопятовъ, отличавшійся баснословною снисходительностью на экзаменѣ. Сравнительную анатомію читалъ Борзенковъ, и читалъ ее очень скучно, монотонно, и самъ онъ былъ какимъ-то замкнутымъ, необщительнымъ. При мнѣ началъ свои лекціи А. Столѣтовъ, пріобрѣтшій впослѣдствіи авторитетное имя. Намъ читалъ онъ метеорологію, но читалъ по книжкамъ, по молодости ли лѣтъ или по малому знакомству съ этимъ предметомъ, такъ какъ специальность его была математическая физика, которую онъ читалъ чистымъ математикомъ.

Деканомъ факультета, состоящаго изъ двухъ отдѣленій—математическаго и естественнаго,—былъ А. Ю. Давидовъ, братъ знаменитаго виолончелиста. Это былъ аккуратный, благоразумный, во всемъ весьма умѣренный нѣмецъ. Почему-то товарищи мои выбирали меня для всякаго рода переговоровъ и ходатайствъ, касавшихся нашихъ общихъ дѣлъ, и я всегда встрѣчалъ въ немъ самую утонченную предупредительность и готовность помочь. Нѣсколько разъ бывалъ я по этому случаю у него на дому и между прочимъ, однажды попалъ къ нему на музыкальный вечеръ, на которомъ слышалъ его брата и нѣкоторыхъ другихъ артистовъ.

Съ живѣйшей признательностью вспоминаю я этихъ профессоровъ моихъ, и признательность эта какъ-то удвоится въ памяти моей при мысли о томъ, что уже ни одного изъ нихъ болѣе нѣтъ въ числѣ живыхъ.

VI.

Говоря объ университетѣ, я не могу не упомянуть и о тѣхъ профессорахъ, которые читали на другихъ факультетахъ, тѣмъ болѣе, что между ними были такіе, имена коихъ не изгладились въ памяти потомства. Но, прежде чѣмъ перейти къ ихъ личностямъ, мнѣ представляется нужнымъ сдѣлать одно общее замѣчаніе.

Въ мое время большинство профессоровъ было извѣстно широкой публикѣ, даже среди такихъ круговъ ея, которые не имѣли непосредственнаго касательства къ университету. Многіе изъ профессоровъ приобрѣли себѣ громкое имя не однѣми лекціями своими, но и своими трудами, научными и популярными, своимъ участіемъ въ общественной жизни, своею ролью во многихъ ея явленіяхъ. Не надо забывать при этомъ, что то была еще та эпоха, которую можно назвать медовымъ мѣсяцемъ великихъ реформъ, когда все дышало свѣтлыми надеждами на лучшее будущее. Между обществомъ съ одной стороны и университетомъ съ другой существовала тѣсная связь. Общество знало профессоровъ, знало не только тѣ кафедры, которыя были заняты тѣмъ или другимъ изъ нихъ, но знало ихъ работы, ихъ отношенія къ слушателямъ—студентамъ, ихъ характерныя черты. Эта связь, со введеніемъ новаго устава, словно поколебалась...

Ректоромъ университета былъ С. И. Баршевъ. Въ молодости своей онъ былъ въ числѣ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ Сперанскій вывелъ въ люди и отправилъ за границу для усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ. Онъ питалъ къ университету ту особенную любовь, которою отличались всѣ «старые» профессора.

и которая нерѣдко проявлялась въ весьма характерныхъ картинахъ формахъ. Оригинальна была его фигура, сухощавая, немного сгорбленная, съ живыми, пронизывающими глазами, съ тоненькимъ голосомъ. Студенты его любили, хотя и подсмѣивались надъ нимъ и въ шутку называли его отцомъ-ректоромъ, намекая этимъ на его духовное происхожденіе. Ему ставили въ вину, что онъ старался возводить на освобождающіяся кафедры людей одного съ нимъ происхожденія и, напротивъ, неблагопріятно относился къ лицамъ, принадлежавшимъ къ другимъ общественнымъ слоямъ. Послѣ того какъ онъ покинулъ ректорство, а вслѣдъ за симъ и профессуру, онъ назначенъ былъ почетнымъ опекуномъ, но безъ университета онъ очутился въ положеніи рыбы безъ воды.

Въ плеядѣ профессоровъ моего времени яркою звѣздою сіяетъ С. М. Соловьевъ. Нѣсколько разъ бывалъ я на его лекціяхъ, но лично съ нимъ я не былъ знакомъ, и лишь въ послѣдствіи совмѣстная служба насъ сблизила. Какая это была сavorожительная личность! Всякая, даже самая простая, бесѣда съ нимъ была въ высокой степени поучительна, звучала такою широкою культурою, такимъ трезвымъ, возвышеннымъ взглядомъ на вещи, такою преданностью къ знанію, гуманности, такою любовью къ Россіи, какъ къ прошлому ея, историческому, такъ и къ современному, злободневному ея. Съ одинаковой увлекательностью для своего собесѣдника говорилъ онъ о какой-нибудь вещи изъ Оружейной Палаты, имѣвшей свою достовѣрную исторію, бывшей въ рукахъ кого-либо изъ русскихъ царей, и рядомъ съ этимъ о просвѣтительныхъ потребностяхъ русскаго народа, о культурныхъ задачахъ земствъ, о развитіи университетской автономіи. Помимо лекцій и регулярно издаваемыхъ имъ изъ года въ годъ томовъ Исторіи Россіи, онъ печаталъ многочисленныя статьи въ журналахъ, читалъ публичныя лекціи—между прочимъ цѣлый циклъ ихъ о Петрѣ Великомъ; передъ открытіемъ выставки 1872 г.—принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ общественныхъ начинаніяхъ, какъ напримѣръ въ созданіи Политехническаго музея. Даже въ простой бесѣдѣ его рѣчь искрилась священнымъ огнемъ: онъ умѣлъ шутить тонко и остроумно.

Въ университетѣ С. М. Соловьевъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, что весьма краснорѣчиво обнаружилось, когда, если не ошибаюсь, въ 1870 году, т.-е., когда я уже вышелъ изъ числа студентовъ, несмотря на его «неблагонадежность», проявившуюся въ одномъ инцидентѣ, о которомъ я еще буду говорить, онъ избранъ былъ чуть не единогласно ректоромъ и въ этой должности оставался много лѣтъ. Не по примѣру многихъ изъ своихъ коллегъ по профессурѣ, онъ создалъ школу вокругъ себя, и болышин-

ство изъ послѣдовавшихъ за нимъ историковъ Россіи были его учениками.

Какъ я уже сказалъ, онъ былъ хранителемъ Оружейной Палаты, совмѣщая это съ ректорствомъ. Въ теченіе всей зимы онъ занимался собираніемъ матеріаловъ въ архивахъ Московскихъ и Петербургскихъ, а раннею весной онъ переѣзжалъ со своею семьею въ Нескучный садъ, гдѣ ему предоставлялся особый, очень уютный и помѣстительный павильонъ, и тамъ, на покой, онъ редактировалъ томъ своей исторіи, который регулярно выходилъ изъ печати въ началѣ слѣдующей зимы.

Среди профессуры того времени какъ-то особенно выдѣлились В. Н. Чичеринъ и Ф. М. Дмитріевъ. Не одни профессора старой школы, но и лица, принадлежавшія къ другимъ общественнымъ кругамъ, относились съ нѣкотораго рода несочувствіемъ къ дворянамъ-помѣщикамъ, вздумавшимъ идти въ профессора. Какъ это ни кажется теперь страннымъ, но въ то время мнѣ часто приходилось слышать такія рѣчи, что профессорство, т.-е. учительство, есть карьера, годная для разночинцевъ, а никакъ не для именитыхъ дворянъ. Быть можетъ, благодаря своему происхожденію, оба эти профессора стояли нѣсколько особнякомъ въ профессорской коллегіи, но они пользовались глубокимъ уваженіемъ среди студентовъ. Чичеринъ былъ превосходный лекторъ, умѣвшій излагать ясно, изящно и доступно для всѣхъ свой предметъ—государственное право. Я часто заходилъ въ его аудиторію, и мнѣ случалось буквально заслушиваться его рѣчью, всегда превосходно построенною, казавшеюся читаемой имъ по книгѣ. Что касается Дмитріева, то это былъ уже довольно пожилой человѣкъ, желчный, раздражительный, щедрый на сарказмы, какъ въ своихъ лекціяхъ, такъ и въ своихъ бесѣдахъ въ дамскихъ салонахъ, гдѣ онъ любилъ властвовать, и гдѣ его охотно заслушивались. Къ этимъ двумъ корифеямъ университета, почему-то всегда неразлучнымъ въ его лѣтописяхъ, я еще возвращусь впоследствии.

Деканомъ юридическаго факультета состоялъ В. Н. Лешковъ, добрейшій старикъ, живой, подвижной, вѣчно куда-то спѣшившій, что придавало его лекціямъ какую-то своеобразную торопливость. Наоборотъ, экономистъ И. К. Бабстъ отличался невозмутимымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Его познанія и опытность завоевали ему значительную авторитетность въ московскихъ финансовыхъ кругахъ, почему онъ сумѣлъ съ профессурой совмѣщать управление нѣсколькими крупными банковыми и иными предпріятіями.

Старѣйшимъ профессоромъ, по годамъ и по службѣ, былъ Меншиковъ, читавшій римскую литературу. Его типичная наруж-

ность, худошавая, съ выбритымъ лицомъ и всклокоченными бѣлыми волосами. производила впечатлѣніе чего-то архаическаго.

Астрономы—Швейцеръ и Бредихинъ,—были полными противоположностями другъ другу: первый былъ ученый нѣмецъ, точный, аккуратный, жившій исключительно въ небѣ, гдѣ онъ былъ, какъ у себя дома, но совершенно чуждый всему земному. Его слушатели—чистые математики,—имѣли неисчерпаемый запасъ анекдотовъ о немъ, объ его пріемахъ и лекціяхъ и практическихъ занятіяхъ по обсерваторіи, которыми онъ всегда лично руководилъ, но всѣ его искренно любили. Бредихинъ былъ блестящій ораторъ, дѣятель, выросшій въ атмосферѣ реформы, соединявшій со своею спеціальностью широкую работу въ разныхъ общественныхъ и научныхъ задачахъ.

Въ то время начинали свою дѣятельность Н. С. Тихонравовъ и Г. А. Захарьинъ. Первый изъ нихъ уже тогда извѣстенъ былъ многочисленными учеными трудами, а впослѣдствіи долгое время былъ ректоромъ университета. Что касается до второго, то слава, зарождавшаяся въ то время, имѣла свое основаніе не столько въ его роли, какъ профессора-клинициста, сколько въ его дѣятельности, какъ врача. Это была безспорно выдающаяся личность, внушавшая своимъ пациентамъ безграничное довѣріе. Уже въ то время, а еще болѣе въ послѣдовавшее, ходили анекдоты про его странности, даже чудачества, но, мнѣ кажется въ нихъ было много преувеличеннаго, какъ это всегда бываетъ съ выдающимися личностями, и преувеличенія эти отчасти имѣли своимъ источникомъ несочувствіе его новаторскимъ пріемамъ со стороны его коллегъ-врачей и разочарованіе обращавшихся къ нему за помощью мнимыхъ больныхъ, которые въ немъ не встрѣчали участія къ своимъ воображаемымъ болѣзнямъ. Не могу не привести одного случая, касавшагося лично меня, изъ котораго видно, съ какимъ вниманіемъ относился онъ къ больнымъ. Въ 1871 г. я совѣтовался съ нимъ послѣ перенесенной мною серьезной болѣзни. Часа два продержалъ онъ меня, и никогда болѣе я не встрѣчалъ со стороны врачей такого внимательнаго, подробнаго и точнаго разслѣдованія. Лѣтъ 15 послѣ того случилось мнѣ встрѣтиться съ нимъ за обѣдомъ у кн. В. А. Долгорукова, и каково было мое удивленіе, когда онъ повторилъ мнѣ слово въ слово свой діагнозъ и данные мнѣ совѣты! Захарьинъ тоже былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые умѣли создать при себѣ школу молодыхъ силъ, и въ то время уже многіе изъ таковыхъ пріобрѣтали славу, какъ, напримеръ, Чериновъ, Тольскій и др.

Старичокъ Мюльгаузенъ, читавшій финансовое право, былъ

однимъ изъ послѣднихъ представителей кружка Грановскаго и Станкевича, преданія о которомъ свято хранились и передавались другъ отъ друга студентамъ. Добрый, привѣтливый, онъ былъ любимъ своими слушателями, которые, однако, немало подсмѣивались надъ нимъ.

Особенной популярностью среди юристовъ пользовался Н. И. Крыловъ. Раза два посѣтилъ я его лекціи, изъ любопытства, и вынесъ довольно своеобразное впечатлѣніе, не уяснивши себѣ, на чемъ, собственно, основана была эта его популярность.

Въ мое время выступилъ впервые В. И. Герье, и мнѣ удалось присутствовать при его вступительной лекціи и при защитѣ имъ своей диссертации. Читалъ словесникамъ Леонтьевъ, и на насъ, не бывшихъ его слушателями, производила неблагоприятное впечатлѣніе его наружность, когда приходилось встрѣчаться съ нимъ въ коридорахъ и сѣняхъ несуществующаго уже нынѣ зданія новаго университета. О немъ будетъ рѣчь впереди... Славился у медиковъ Бабухинъ, профессоръ физиологіи. Несомнѣнно, это былъ высоко-даровитый человѣкъ, но популярность его происходила не столько отъ его талантовъ, его преподаванія, сколько отъ напускавшей имъ на себя оригинальности, порою граничившей съ чудачествомъ, а это очень нравилось студентамъ.

VII.

Будучи еще на 1-мъ курсѣ, я получилъ отъ инспектора Красовскаго приглашеніе участвовать, въ качествѣ сотрудника, въ попечительномъ о бѣдныхъ студентахъ комитетѣ. Эта коллегія основана была за два года передъ тѣмъ, кажется, по инициативѣ того же Красовскаго, и она состояла изъ пяти членовъ—инспектора и 4-хъ профессоровъ, по одному отъ каждаго факультета. Сотрудниками было человѣкъ 30 студентовъ, и ихъ обязанности заключались въ собраніи свѣдѣній о студентахъ, обращавшихся въ комитетъ за помощью, въ устройствѣ концертовъ и публичныхъ лекцій и въ сборѣ пожертвованій въ пользу университетской бѣдности. Комитетъ собирался приблизительно раза 2—3 въ мѣсяцъ, по вечерамъ, въ круглой залѣ правленія, и студенты поочередно докладывали собранныя ими свѣдѣнія о бѣдныхъ. Это были очень симпатичныя собранія, болѣе походившія на дружескія бесѣды, чѣмъ на дѣловыя засѣданія. Когда Красовскій покинулъ должность инспектора, этотъ комитетъ прекратилъ свое существованіе и вскорѣ затѣмъ замѣненъ былъ обществомъ вспомошествованія, донынѣ дѣйствующимъ.

Профессора, входившіе въ составъ попечительнаго комитета,

были: отъ филологическаго факультета Ф. И. Буслаевъ, отъ математическаго—С. А. Рачинскій, отъ юридическаго М. Н. Капустинъ и отъ медицинскаго И. М. Соколовъ. О Рачинскомъ я уже говорилъ. Мнѣ весьма было любопытно поближе познакомиться съ Буслаевымъ, надъ грамматикой котораго я немало испортилъ себѣ крови во время моихъ приготовленій къ вступительному экзамену. Я представлялъ себѣ его сухимъ педагогомъ, ходячимъ суффиксомъ, и немало удивился, когда увидалъ человѣка живого, бодрого, съ довольно красивымъ, выразительнымъ лицомъ и, къ тому же, милаго, радушнаго собесѣдника. Его рѣчь дышала искренностью, высокой культурою, и въ нашихъ комитетскихъ собраніяхъ онъ обнаруживалъ самое сердечное участіе къ нуждамъ студентовъ, къ которымъ онъ относился не просто съ филантропической точки зрѣнія, какъ къ нуждавшимся въ обѣдѣ или тепломъ платьѣ, а онъ видѣлъ въ нихъ будущихъ тружениковъ, служителей науки и красоты. Какъ онъ умѣлъ поддержать этихъ бѣдняковъ, подкрѣпить ихъ, направить на путь къ свѣту! И какъ уважали его студенты!

М. Н. Капустинъ былъ очень симпатичный человѣкъ, свѣтскій, любившій поговорить, вслѣдствіе чего въ нашихъ комитетскихъ собраніяхъ онъ первенствовалъ при обсужденіи просьбъ. Типична была его фигура, высокая, худая, съ маленькою головою, всегда наклоненною впередъ. Впослѣдствіи онъ былъ попечителемъ учебнаго округа, кажется, петербургскаго.

Представителемъ медицинскаго факультета былъ И. М. Соколовъ, извѣстный въ свое время хирургъ. Большого роста и грузной корпуленціи, онъ былъ весельчакъ и балагуръ, и не проходило засѣданія нашего комитета безъ того, чтобы онъ не вызывалъ громкаго хохота въ присутствовавшихъ. Но въ этихъ шуткахъ онъ нерѣдко впадалъ въ цинизмъ, правда напускной, искусственно-грубой. А былъ онъ человѣкъ сердечный, проявлявшій нѣжное участіе къ студентамъ-бѣднякамъ, и всѣ его слушатели его обожали, но въ то же время и сѣтовали на него за то, что, завѣдуя анатомическимъ музеемъ, онъ никогда не впускалъ туда безъ себя ни одного студента, увѣряя, что они все сломаютъ, испортятъ или запачкаютъ.

Не могу не добавить, что участіе въ нашихъ вечернихъ собраніяхъ этихъ четырехъ профессоровъ, съ присоединеніемъ къ нимъ Красовскаго, о которомъ я потомъ поговорю, представляло интересное и поучительное зрѣлище, ибо всѣ они являли собою совершенныя противоположности другъ другу. Но ихъ одушевляла одна цѣль—помочь нуждающейся молодежи и, надо сказать, цѣль эта достигалась совмѣстными ихъ стараніями.

VIII.

Прежде чѣмъ покончить съ профессорскою коллегіей, я долженъ разсказать объ одномъ событіи, ее взволновавшемъ и имѣвшемъ для университета довольно крупныя послѣдствія.

Со второго полугодія 1866 года, когда я былъ уже на 2-мъ курсѣ, послѣдовала рѣзкая перемѣна въ нашемъ университетскомъ строѣ, въ смыслѣ «подтягиванія». (Чуть ли не съ этого времени слово это вошло въ моду). Причину такой перемѣны и ея послѣдствія я изложу далѣе, теперь же перейду къ событію, которое отчасти содѣйствовало усиленію такого подтягиванія.

Въ нашемъ ученомъ ареопагѣ произошелъ расколъ на двѣ партіи—старую и молодую. Поводомъ къ тому, что эти партіи вступили въ активную борьбу другъ съ другомъ,—ибо онѣ и ранѣе существовали, но пассивно,—послужило забаллотированіе въ совѣтъ стараго профессора Меншикова, достигшаго предѣльнаго срока службы, а вскорѣ вслѣдъ за этимъ воспослѣдовало такое же забаллотированіе Леонтьева. Эти два инцидента послужили исходною точкою того похода, который предпринять былъ противъ всего университетскаго строя. Изъ мести, Леонтьевъ, совместно съ своими друзьями Катковымъ, Любимовымъ и другими, начали его сперва на столбцахъ издаваемыхъ ими «Московскихъ Вѣдомостей», и притомъ издаваемыхъ подъ флагомъ университета и на его средства, а затѣмъ и въ правительственныхъ сферахъ, куда эти господа направляли свои наступательныя дѣйствія, въ видѣ записокъ, проектовъ и проч. Въ то время уже замышлялось и вырабатывалось предположеніе объ учрежденіи въ Москвѣ лица, съ университетскимъ курсомъ, долженствующаго конкурировать съ университетомъ и даже превосходить его въ правахъ и привилегіяхъ. Предположеніе это, какъ извѣстно, осуществилось, но извлекла ли изъ этого наша молодежь пользу для себя, судить я не берусь...

Забаллотированія Меншикова и Леонтьева явились лишь внѣшнимъ поводомъ къ расколу въ профессорской коллегіи, истинныя же причины его лежали болѣе глубоко. Одною изъ таковыхъ причинъ было несовершенство дѣйствовавшаго устава, являвшаго собою полумѣру, т.-е. давашаго университету полуавтономію. Но это несовершенство понималось двояко, смотря по точкѣ зрѣнія, съ какой на уставъ глядѣли: одни видѣли въ немъ недостаточное и неполное обезпеченіе автономности, другіе же считали и это излишнимъ, вреднымъ и желали бы перекроить университетскій строй по старымъ образцамъ николаевской эпохи. Совѣтъ распался на двѣ партіи, и острота этого ра-

скола еще усиливалась тѣмъ, что каждый профессоръ чувствовалъ въ глубинѣ души, что случившееся съ Меншиковымъ и Леонтьевымъ можетъ случиться и съ нимъ, и поэтому невольно склонялся къ тому разрѣшенію коренного вопроса объ университетскомъ строѣ, которое, помимо принципіальныхъ его взглядовъ и симпатій, казалось болѣе обезпечивающимъ его отъ подобныхъ неожиданностей. Начавшійся съ легкой руки Леонтьева походъ противъ университета вообще, еще болѣе обострилъ положеніе, и двѣ партіи, молодая и старая, все болѣе рѣзко отпечатывались на всей жизни нашей *alma mater*. При этомъ обозначилось, что старая партія имѣла въ своихъ рядахъ профессоровъ стараго закала, болѣе или менѣе семинарскаго происхожденія, тогда какъ молодая состояла преимущественно изъ дворянъ. Само собой разумѣется, что эта послѣдняя партія стояла за полную автономность университета и за свободную конкуренцію при занятіи кафедръ, тогда какъ старая противодействовала всему этому, считая это ересью, непозволительнымъ подражаніемъ Западу и «расшатываньемъ основъ».

Ближайшимъ послѣдствіемъ этой распри была подача прошеній объ отставкѣ шестью профессорами. Это были: С. М. Соловьевъ, М. И. Капустинъ, И. К. Бабстъ, Б. Н. Чичеринъ, Ф. М. Дмитріевъ и С. А. Рачинскій, но дѣйствительно покинули университетъ только послѣднія три лица. Эти событія взволновали молодежь, тѣмъ болѣе, что слухи о нихъ проникли въ печать, появились статьи, въ которыхъ авторы полемизировали другъ съ другомъ на почвѣ партійныхъ интересовъ и взглядовъ, общество съ любопытствомъ слѣдило за происходившимъ. Такое волненіе и воздѣйствіе нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, горячо интересовавшихся судьбою университета, побудили Соловьева и Бабста взять обратно свои прошенія объ отставкѣ. Къ общему сожалѣнію студентовъ и къ явному ущербу университета, Б. Н. Чичеринъ не послѣдовалъ этому примѣру.

Нечего добавлять, что единодушныя симпатіи студентовъ были на сторонѣ молодой партіи. Мы жадно прислушивались къ слухамъ, долетавшимъ до насъ изъ залы засѣданій Совѣта, гдѣ происходили бурныя сцены, зачитывались газетною полемикой и обсуждали вопросъ о томъ, какъ устроить демонстрацію уходящимъ. Это послѣднее предположеніе осуществилось въ довольно скромной формѣ: устроенъ былъ обѣдъ въ честь Чичерина въ ресторанѣ Лабади, на Б. Лубянкѣ, въ коемъ, кромѣ студентовъ-юристовъ, его слушателей, приняли участіе и студенты другихъ факультетовъ, а равно нѣкоторыя значительныя лица, изъ числа его друзей,—кн. Щербатовъ, бывший въ то время городскимъ го-

ловой, Ю. Ф. Самаринъ, Гиляровъ-Платоновъ, и др. Очевидно этимъ демонстративнымъ обѣдомъ мы думали произвести эффектъ, воздѣйствовать на противную партію и воображали, что разыгрываемъ какую-то политическую роль, «себя показываемъ».

IX.

Однимъ изъ послѣдствій профессорской распри было упраздненіе должности инспектора студентовъ и замѣна ея должностію проректора.

Два съ небольшимъ года при мнѣ инспекторомъ былъ И. И. Красовскій. Это былъ добрый, благонамѣренный человѣкъ, искренно желавшій быть другомъ и товарищемъ студентовъ и искусно избѣгавшій казаться имъ начальствомъ. Студенты его любили, охотно его слушались, и онъ прекрасно умѣлъ улаживать всякія ихъ недоразумѣнія и пререканія, правда личныя, по большей части, ибо за эти два года не было никакихъ массовыхъ волненій и безпорядковъ. Онъ входилъ въ интересы студентовъ, съ сердечностію относился къ ихъ нуждамъ, любилъ увѣщевать ихъ, играть роль наставника по части поведенія, и это нерѣдко вызывало комическіе инциденты, такъ какъ студенты подмѣтили въ немъ нѣкоторую склонность къ преувеличеніямъ въ разговорѣ, къ прикрашиванію истины. Какъ я уже сказалъ, Красовскій принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ попечительнаго комитета о бѣдныхъ студентахъ, усердно помогалъ нуждающимся и не жалѣлъ для этого своихъ средствъ. Когда мы устраивали концерты въ пользу студентовъ, онъ дѣятельно хлопоталъ о приглашеніи артистовъ, и ему очень нравилось, что при этомъ онъ игралъ роль главнаго распорядителя, хозяина.

Первоначально Красовскій служилъ на военной службѣ и во время Крымской войны состоялъ адъютантомъ при главнокомандующемъ кн. Горчаковѣ. Народная молва приписывала ему неудачу на Черной рѣчкѣ. Онъ имѣлъ неисчерпаемый запасъ анекдотовъ о Горчаковѣ, а рассказчикъ онъ былъ образцовый, равно и чтець: рѣдко слышалъ я подобное образцовое чтеніе. Въ Москвѣ онъ вращался въ нѣкоторыхъ литературныхъ и артистическихъ кружкахъ, дружилъ съ Кетчеромъ, А. Станкевичемъ, артистами Шумскимъ и Самаринымъ, равно какъ съ профессорами молодой партіи. Быть можетъ, это послѣднее обстоятельство послужило поводомъ къ его удаленію, но, кромѣ того, онъ не ладилъ съ ректоромъ Баршевымъ, и однажды мнѣ пришлось быть случайнымъ свидѣтелемъ крупной стычки ихъ въ профессорской комнатѣ.

Покинувъ инспекторство, Красовскій исчезъ съ московскаго

горизонта, и лишь въ 1873 году снова появился въ Москвѣ и первоначально получилъ мѣсто въ одномъ частномъ учрежденіи. На него обратилъ вниманіе генераль-губернаторъ кн. Долгоруковъ и поручилъ ему завѣдываніе Преображенской больницей,—въ то время подвѣдомственной еще приказу общественнаго призрѣнія,—гдѣ онъ показалъ себя превосходнымъ организаторомъ и хозяиномъ. Въ 1878 г. онъ былъ назначенъ московскимъ вице-губернаторомъ, а умеръ онъ, если не ошибаюсь, въ 1885 г., въ должности томскаго губернатора.

Какъ я уже сказалъ, взаимныя отношенія инспекціи и студенчества были при Красовскомъ въ полномъ смыслѣ слова патріархальныя, и это было всецѣло его заслугой, причемъ онъ сумѣлъ внушить такое же отношеніе къ намъ своимъ помощникамъ, носившимъ въ то время титулъ субъ-инспекторовъ. По удаленіи Красовскаго, фактическимъ инспекторомъ сдѣлался старшій по годамъ и по службѣ помощникъ, нѣкто Должиковъ, довольно безцвѣтный человекъ, но умѣвшій ладить со студентами. Онъ замѣнялъ проректора Щуровскаго, на котораго по новому положенію возложены были инспекторскія обязанности, но который стоялъ слишкомъ высоко или далеко отъ нашихъ мелкихъ, обыденныхъ дѣлишекъ. Въ числѣ субъ-инспекторовъ упомяну о нѣкомъ Бобровѣ, который былъ весельчакомъ и, несмотря на преклонные уже годы, настоящимъ товарищемъ студенческой молодежи, и о Фишерѣ фонъ-Вальдгеймѣ, сынъ и братъ извѣстныхъ ботаниковъ, который спеціально состоялъ при нашемъ факультетѣ. Это было добрѣйшее существо, безобидное и ласковое, но нельзя утаить, что мы нерѣдко продѣлывали съ нимъ всякаго рода школьничества.

Х.

Какъ я уже говорилъ, въ первый годъ моего пребыванія въ университетѣ, студентамъ жилось привольно, не было никакихъ стѣсненій и никакой подозрительности со стороны начальства, не было и въ нашей средѣ никакихъ жгучихъ вопросовъ, политическихъ и социальныхъ, которые волновали бы молодые умы и омрачали бы нашъ мірокъ. 4-го апрѣля 1866 года грянулъ въ Петербургѣ выстрѣлъ Каракозова, и декорація перемѣнилась рѣзко.

Никогда я не забуду, какъ дня черезъ два послѣ этого событія, взволновавшаго всю Москву, я пошелъ въ профессорскую комнату, гдѣ обыкновенно пребывалъ Красовскій, имѣя до него какое-то дѣло, но его тамъ не засталъ, а увидавшій меня профессоръ Рачинскій отозвалъ меня къ окну и съ смущеннымъ видомъ

сообщилъ мнѣ, что покушавшійся на жизнь государя—студентъ Московскаго университета, и что Красовскій по этому случаю экстренно вызванъ въ Петербургъ, въ слѣдственную комиссію. Само собою разумѣется, что въ теченіе предшествовавшаго учебнаго года я не могъ не встрѣчать Каракозова,—это имя стало извѣстно тотчасъ послѣ совершившагося покушенія,—въ аудиторияхъ или коридорахъ, но совсѣмъ его не помню.

Вскорѣ вслѣдъ за этимъ обнаружилось, что у Каракозова были соумышленники въ средѣ студентовъ, и что покушеніе 4-го апрѣля было отчасти задумано въ стѣнахъ Московскаго университета, и что цѣлый рядъ студентовъ во всякомъ случаѣ знали о готовящемся. Нѣкоторыхъ изъ нихъ привлекли къ суду, другихъ же не тронули, и между этими послѣдними былъ одинъ изъ моихъ товарищей-однокурсниковъ. Онъ долго оставался подъ угрозой висѣвшаго надъ нимъ Дамоклова меча, упорно молчалъ, и мы вовсе не подозрѣвали его участія въ этомъ дѣлѣ; когда же гроза миновала его, и верховный судъ ликвидировалъ совершившееся, онъ сталъ рассказывать ближайшимъ своимъ товарищамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, о своемъ участіи въ кружкѣ, изъ котораго вышелъ Каракозовъ, о томъ, какъ этотъ послѣдній рѣшался на это дѣяніе, какъ одни его поддерживали, другіе же отговаривали. Участіе его въ этомъ кружкѣ такъ и осталось тайной для разслѣдовавшихъ дѣло, и оно не помѣшало ему впослѣдствіи сдѣлать карьеру по учебной части.

Всѣ мы университетскіе, какъ студенты, такъ и профессора, ясно поняли, что это событіе будетъ имѣть большія послѣдствія, какъ въ общемъ строѣ, такъ въ частности въ нашей средѣ и, странное дѣло! студентамъ почуялось, что первымъ изъ послѣдствій будетъ возстановленіе для насъ мундира. Хотя предчувствіе это не сбылось, но въ немъ было что-то аллегорическое, предугажывающее то направленіе, которое получить преобладаніе въ нашемъ университетскомъ быту. Мы понимали, что наступить «подтягиваніе», и что наше начальство, весьма склонное къ тому, считать студента, облеченнаго въ форму, болѣе удобнымъ и доступнымъ для дисциплинарнаго надзора, чѣмъ одѣтаго въ партикулярное платье. Формы не ввели, но порядки появились новые, и не столько внѣшніе, осязательные порядки, сколько направленіе, духъ, на насъ откуда-то повѣявшій. Эта перемѣна въ нашемъ, сравнительно небольшомъ, университетскомъ міркѣ, отразила въ себѣ общую перемѣну въ широкихъ сферахъ, гдѣ событіе 4-го апрѣля внушило многимъ представителямъ власти опасеніе; что не зашли ли слишкомъ далеко въ дѣлѣ реформъ. Какъ извѣстно, восторжествовавшее направленіе это вызвало роковой переломъ въ эпохѣ царствованія императора Александра II.

Что касается въ частности университета, то событіе 4-го апрѣля вызвало въ разныхъ кругахъ московскаго общества болѣе или менѣе враждебное отношеніе къ студентамъ. Открыто высказывалось, что разъ изъ среды студентовъ выходятъ царевубійцы, то надо ихъ обуздать, подвергнуть строгой дисциплинѣ и т. д. Такія рѣчи, конечно, представлялись преувеличеніями, крайностями, но онѣ не были чѣмъ-либо для насъ новымъ, ибо въ нихъ звучало, правда въ болѣе яркой и настойчивой формѣ, то, что нерѣдко приходилось слышать намъ вообще о реформахъ, воспослѣдовавшихъ въ истекшее десятилѣтіе, какъ наприимѣръ, распотъ на освобожденіе крестьянъ, насмѣшки надъ гласнымъ судомъ, надъ земскимъ учрежденіями и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не добавить, что покушеніе на жизнь государя, совершенное студентомъ, дало благодарное оружіе въ руки тѣхъ, кто задумывалъ наступательный походъ на университетскій строй, о чемъ я уже говорилъ выше, и кто очевидно не преминулъ воспользоваться этимъ фактомъ въ пользу своихъ злыхъ намѣреній.

Все, что такимъ образомъ воспослѣдовало послѣ этого рокового выстрѣла, какъ и все то, что имѣло мѣсто послѣ подобныхъ же террористическихъ актовъ, вскорѣ за этимъ участвовавшихъ, служить новымъ доказательствомъ того, что люди, прибѣгающіе къ подобнымъ актамъ, всегда ими способствуютъ тому, что является противоположностью ихъ замысламъ, намѣреніямъ и цѣлямъ. Къ сожалѣнію, не одни террористы это забываютъ...

XI.

Происшедшая такимъ образомъ перемѣна въ направленіи нашего строя давала намъ себя чувствовать лишь постепенно, шагъ за шагомъ. На 2-мъ курсѣ моемъ, а еще болѣе на 3-мъ, обнаруживалась она въ усиленіи надзора за нами, какъ въ аудиторіяхъ, гдѣ появились угодные начальству студенты, взявшіе на себя роль тайныхъ агентовъ, такъ и внѣ стѣнъ университета. Попечительный о бѣдныхъ студентахъ комитетъ былъ упраздненъ, по распоряженію правленія, изъ-за того, что главные его дѣятели—профессора Капустинъ и Рачинскій и инспекторъ Красовскій были изъ числа неблагонадежныхъ, и всѣ попытки студентовъ приходить на помощь бѣдствующимъ товарищамъ своимъ, путемъ своихъ организацій, встрѣчали категорическій отпоръ со стороны начальства. Обычнымъ проявленіемъ юношеской пламенности въ родѣ шумныхъ демонстрацій въ театрѣ, горячихъ рѣчей за ужиномъ въ ресторанахъ, даже хожденію по улицамъ гурьбой по окончаніи лекцій, начали придавать характеръ опасныхъ,

чуть не политическихъ демонстрацій. Дѣло дошло до того, что одинъ профессоръ предупредилъ насъ, что студентамъ, не въ мѣру шумѣвшимъ въ театрѣ, угрожаетъ исключеніе изъ университета. А въ то время въ Москвѣ была очень недурная итальянская опера, вызывавшая шумный восторгъ въ молодежи.

Такъ дѣло шло въ теченіе двухъ учебныхъ лѣтъ, пока я проходилъ 2-й и 3-й курсы. На 4-мъ картина измѣнилась еще болѣе рѣзко, начались настоящія политическія волненія, перекинувшіяся въ университетъ изъ недавно передъ тѣмъ основанной Петровской Академіи. Волненія эти продлились, съ небольшими перерывами, два года, и они стали извѣстны подъ общимъ наименованіемъ Нечаевскихъ исторій.

Не могу по этому случаю не сослаться вновь на приведенныя мною выше слова Пирогова о томъ, что университетъ не есть простое учрежденіе, не обособленный и замкнутый въ извѣстныя, разъ навсегда опредѣленные рамки организмъ, а что онъ является собою живую частицу современнаго общества, не отражающую только жизнь этого общества, а живущую этою жизнью. Смута въ университетѣ, каковъ бы ни былъ поводъ, послужившій ей источникомъ, является всегда отголоскомъ подобной же смуты въ умахъ общества. А въ ту эпоху, когда происходили описываемыя событія, и когда воспослѣдовалъ переломъ, общество шаталось, въ буквальный смыслѣ, изъ стороны въ сторону, и одна его часть, убоявшись реформъ, стремилась обратиться вспять отъ путей, по которымъ реформы эти двинули народный строй, другая же жаждала дальнѣйшаго развитія осуществленныхъ уже реформъ и конечнаго ихъ завершенія въ строѣ государственномъ. Это двойственное направленіе отразилось и на нашей университетской жизни, при чемъ первое олицетворялось въ начальствѣ, желавшемъ возстановить прошлое во всемъ его объемѣ, второе же высказывалось въ «молодыхъ» профессорахъ, а болѣе всего въ учащейся молодежи, которая была вся поголовно на сторонѣ преобразовательнаго движенія, и которая конечно не могла не протестовать такъ или иначе противъ недопустимаго, по ея мнѣнію, стремленія воскресить прошлое.

Начались сходы въ саду стараго университета, нелѣпыя, беспорядочныя, но свидѣтельствовавшія о томъ броженіи, которое захватило молодые умы; на нихъ составлялись и подписывались протесты, какъ противъ вводимыхъ въ университетскій строй новыхъ правилъ, такъ и вообще противъ всего, что такъ или иначе обращало на себя вниманіе взволновавшейся молодежи. Нѣсколько разъ бывалъ я на этихъ сходахъ, но не вынесъ

изъ нихъ никакого, сколько нибудь хорошаго впечатлѣнія. Всѣмъ намъ извѣстно было, что въ Петровской академіи образовался кружокъ агитаторовъ, старавшійся завязать сношенія съ нами, университетскими, и успѣвшій въ этомъ. Часто упоминалась фамилія Нечаева, какъ главнаго руководителя этого кружка. Мы замѣчали, что многіе изъ нашихъ профессоровъ казались смущенными, словно въ ожиданіи чего-то, имѣвшаго совершиться; мы знали, что участились экстренно созываемыя засѣданія совѣта, и вообще атмосфера, насъ окружавшая, казалась насыщенною электричествомъ. Особенно это было ощутительно въ теченіе великаго поста 1869 года. Но, когда начались экзамены, бывшіе для меня выпускными, интересы и заботы молодежи приняли другое направленіе: не до сходовъ было ей, и все казалось улеглось, но не надолго. Осенью того же года,—я уже не былъ въ числѣ студентовъ,—разыгралась трагедія въ саду Петровской академіи—убійство студента Иванова, совершенное Нечаевымъ. Началось слѣдствіе, продолжавшееся очень долго, и только полтора года спустя происходилъ цѣлый рядъ политическихъ процессовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Нечаевскихъ (хотя самъ Нечаевъ успѣлъ скрыться за границу), къ которымъ привлечено было много лицъ изъ учащейся молодежи и въ томъ числѣ нѣсколько изъ моихъ товарищей. Между этими послѣдними былъ нѣкто Смирновъ, медикъ, съ которымъ я сблизился задолго до этого времени, когда я былъ на 2-мъ курсѣ, а онъ на 1-мъ медицинскомъ, и когда мы одновременно слушали химію и ботанику. Это былъ милѣйшій юноша, полу-ребенокъ еще, очень красивой наружности, обладавшій недюжиннымъ умомъ, всегда какъ-то поэтически настроеннымъ и этимъ подкупавшій всякаго, кто съ нимъ вступалъ въ общеніе. На сходкахъ въ саду я видѣлъ его шумѣвшимъ и суетсящимся, но все это казалось чѣмъ-то ребяческимъ, не серьезно-агитаторскимъ. Впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ очень скомпрометированъ въ Нечаевскихъ исторіяхъ, но избѣгъ суда, тоже скрывшись за границу, гдѣ умеръ отъ чахотки въ полной нищетѣ.

Все это движеніе, всколыхнувшее нашъ студенческій мірокъ въ теченіе учебнаго 1868—69 года, не могло не волновать насъ, но каждый по-своему реагировалъ на это въ душѣ своей. Одни сочувствовали движенію, другіе его порицали, и между этимъ двойственнымъ отношеніемъ къ нему существовалъ цѣлый рядъ разнообразныхъ оттѣнковъ и степеней, причемъ не всегда ясно отдѣлялась идея о противодѣйствіи новымъ университетскимъ порядкамъ, что было дѣломъ собственно нашимъ, домашнимъ, отъ общей политической идеи, что являлось намъ задачей всего

общества. Но, какъ ни рѣзко относились мы къ происходившему, мы всё безъ исключенія недоумѣвали насчетъ того, насколько въ дѣйствительности наши сходки, наши протесты и прокламаціи угрожаютъ «государственному строю», какъ на официальномъ языкѣ формулированы были обвиненія нашихъ товарищей, привлекаемыхъ, арестуемыхъ, высылаемыхъ. Въ этомъ мы терялись, и особенно насъ смущало то, что раскрытіе и разслѣдованіе этихъ «государственныхъ преступленій» направлено было не обычнымъ, судебнымъ путемъ, а особымъ вѣдомствомъ, въ то время носившимъ памятное всѣмъ моимъ сверстникамъ названіе 3-го отдѣленія. Не много ли чести было въ этомъ—вотъ вопросъ, который каждый изъ насъ ставилъ себѣ. Впечатлительные умы молодежи чутко реагировали на совершавшееся передъ ними и въ той средѣ, въ составъ которой она входила и впечатлѣнія, получавшіяся ею отъ такихъ экстраординарныхъ актовъ, были тѣмъ болѣе рѣзкими, что это была эпоха введенія въ дѣйствіе новаго судопроизводства, когда, казалось, личность получила должныя и прочныя гарантіи отъ произвола. Мы узнавали, что у такихъ-то нашихъ товарищей произведенъ былъ обыскъ, что унесены были какіе-то компрометирующіе документы, между прочимъ наши литографированныя лекціи, а то тотъ или другой студентъ внезапно исчезалъ изъ нашего курсового кружка, и спустя нѣкоторое время мы узнавали, что онъ высланъ на родину, или куда-нибудь подальше. И все это совершалось безъ всякаго участія, какъ новой судебной власти, такъ и университетскаго начальства, даже безъ вѣдома этого послѣдняго. Думаю, что у многихъ изъ моихъ сверстниковъ,—студентовъ 60-хъ годовъ, впечатлѣнія эти прочно заронились въ душу и не были ими забыты впослѣдствіи.

XII.

Переходя къ повѣствованію о своихъ товарищахъ, я прежде всего прошу тѣхъ изъ нихъ, къ сожалѣнію, уже немногихъ, которые еще не разстались съ жизнью, и которымъ, быть можетъ, эти строки попадутъ въ руки, не сѣтовать на меня за то, что я ввелъ ихъ, ихъ молодые годы, въ достояніе читающей публики. Многіе изъ нихъ того вполне заслуживаютъ, какъ по личнымъ чертамъ своимъ, такъ и по роли, которая впослѣдствіи выпала имъ на долю и не дала ихъ именамъ впасть въ забвеніе.

Какъ я уже сказалъ, я вступилъ въ естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета. Въ теченіе перваго учебнаго года студенты, входившіе въ составъ 1-го курса, какъ-то мало сближались другъ съ другомъ, если между ними не существовали какія-либо отношенія ранѣе поступленія въ университетъ. Быть

можетъ, причиной того было то, что на 1-мъ курсѣ наши занятія ограничивались слушаніемъ профессоровъ, а практическихъ занятій еще не было. Мы какъ-то дичились другъ друга, всматривались въ себя взаимно, особенно же тѣ изъ насъ, кто, какъ я, получилъ домашнее воспитаніе. Переходные экзамены, происходившіе весной, разомъ насъ сблизили, прежде всего тѣмъ, что процѣдили, такъ сказать, нашъ контингентъ, т.-е. выбросили слабыхъ, дикихъ, какъ принято было ихъ называть, а затѣмъ публичные отвѣты при товарищахъ дали намъ возможность оцѣнить другъ друга и, какъ результатъ того, сблизиться другъ съ другомъ. Это проявилось, какъ нельзя лучше, въ день послѣдняго экзамена, по окончаніи котораго выдержавшіе его и почувствовавшіе себя какъ бы выпущенными на свободу, разстались до осени друзьями и товарищами въ полномъ смыслѣ этого слова. Такая, внезапно возникшая, товарищеская сплоченность не поколебалась въ продолженіе трехъ послѣдующихъ курсовъ, и можно было смѣло назвать нашъ курсъ, насчитывавшій въ себѣ всего 17 человекъ, однимъ кружкомъ, одной семьей. Не могу не добавить, что по отзыву нѣкоторыхъ изъ нашихъ профессоровъ, нашъ курсъ считали въ этомъ отношеніи выдающимся. Само собою разумѣется, что такое товарищество, съ теченіемъ дальнѣйшихъ курсовъ, росло и закрѣплялось, благодаря, какъ практическимъ занятіямъ въ зоологическомъ музеѣ, или въ химической лабораторіи, такъ и постепенно входившимъ въ обычай между нами совмѣстнымъ занятіямъ по подготовкѣ къ экзаменамъ за товарищеской «чашкой чая».

Однокурсникомъ моимъ, между прочимъ, былъ К. В. Рукавишниковъ, впослѣдствіи московскій городской голова, тогда какъ его старшій братъ Николай, извѣстный дѣятель въ области призрѣнія малолѣтнихъ преступниковъ, былъ на два года насъ старше по курсу. Константинъ Рукавишниковъ болѣе всѣхъ способствовалъ нашему объединенію, благодаря своему благодушному, общительному характеру и своей искренней готовности помогать своимъ товарищамъ какъ матеріально, что позволяли ему его большія средства, такъ, въ особенности, въ учебной работѣ. Еще студентомъ, онъ былъ инициаторомъ образованія благотворительнаго для студентовъ общества, когда закрылся попечительный комитетъ, о чемъ рѣчь была выше, но его начинаніе не увѣчилось успѣхомъ, несмотря на то, что ему удалось привлечь къ нему крупныя общественныя силы. Такъ, въ одномъ собраніи, созванномъ имъ у себя въ домѣ, на Тверскомъ бульварѣ, для выработки устава этого общества, участвовали А. И. Чупровъ, бывшій въ то время молодымъ магистрантомъ, готовившимся занятъ

кафедру, и г. Гатцукъ, извѣстный въ свое время публицистъ и издатель донинѣ популярнаго крестнаго календаря.

Далѣе былъ А. Ф. Леоновичъ, впоследствии директоръ Комиссаровскаго техническаго училища и К. Н. Козыревъ, директоръ Коммерческаго, которые, вмѣстѣ съ нѣкоторыми студентами другихъ курсовъ, составляли группу костромичей, благодаря своему происхожденію. Ипполитъ Пашковъ, вмѣстѣ со старшимъ по курсу родственникомъ своимъ Вадимомъ Пассекомъ, были въ родствѣ съ Герценомъ, и отъ обоихъ мы многое узнали объ этомъ послѣднемъ, который, какъ извѣстно, игралъ въ то время для однихъ роль кошмара или пугала, для другихъ же—свѣтлаго идеала или героя. Пашковъ былъ весельчакъ, живой и жизнерадостный, и самыя сухія занятія съ нимъ обращались въ веселье. По выходѣ изъ университета, онъ служилъ по дипломатической части и печаталъ статьи по вопросамъ, касающимся Балканскихъ государствъ. Онъ умеръ, сравнительно, молодымъ.

А. Шиповъ, сынъ извѣстнаго въ свое время финансиста Александра Павловича, былъ талантливымъ труженикомъ, но, какъ часто это у насъ случается,—дальнѣйшая его житейская карьера не имѣла ничего общаго съ естествознаніемъ. Напротивъ. А. Колли, который по годамъ былъ гораздо старше всѣхъ насъ и уже успѣлъ пройти курсъ въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, былъ впоследствии выдающимся профессоромъ химіи. Наконецъ, Адельфій С., сынъ бывшаго когда-то профессора Московскаго университета, былъ яркимъ представителемъ студенческой богемы 60-хъ годовъ, даже по наружности своей и по костюму. Это былъ неисчерпаемо веселый малый, ничѣмъ никогда не стѣснявшійся. Онъ хорошо и дѣльно занимался, но любилъ изображать изъ себя лѣнивца, называлъ профессоровъ своими врагами, смѣялся надъ работающими студентами и заражалъ тѣхъ и другихъ своею веселостью. Было что-то своеобразно характерное въ его плотной, но подвижной фигурѣ, невытой и небритой, съ очками, сдвинутыми на самый кончикъ носа, и съ постоянно носимой имъ въ рукахъ толстой суковатой палкой.

Какъ я уже сказалъ, первые переходные экзамены, а также практическія занятія на слѣдующихъ курсахъ, сплотили насъ въ одну дружную семью. Къ сожалѣнію, практическія занятія ограничивались зоологіей и химіей и въ области первой изъ нихъ это были опредѣленія насѣкомыхъ, а въ области второй—качественный анализъ по неорганической химіи. Эти послѣднія занятія происходили въ старой химической лабораторіи, гдѣ каждому изъ насъ предоставленъ былъ особый столъ, и гдѣ мы разлагали данный намъ лаборантомъ *mixtum compositum* изъ разныхъ ве-

ществъ. Мы занимались подъ наблюдениемъ этого лаборанта,—чаще всего это былъ упомянутый мною Феррейнъ,—причемъ это наблюдение ограничивалось тѣмъ, что онъ предостерегалъ насъ отъ слишкомъ сильныхъ реакцій, могущихъ вызвать взрывъ, и отъ случайныхъ самоотравленій. Но этимъ наблюдениемъ за нами занимались еще лабораторные швейцары и сторожа, которые оказывались въ извѣстной мѣрѣ свѣдущими въ химіи. Вообще надо сказать, что этотъ персоналъ игралъ довольно значительную роль въ студенческомъ быту того времени, и думаю, что многіе старые студенты вспоминаютъ кое-кого изъ этихъ швейцаровъ, служившихъ въ то время въ разныхъ зданіяхъ или отдѣлахъ университета. Безъ преувеличенія можно сказать, что между студентами и этими служителями устанавливались нерѣдко своего рода товарищескія отношенія, основанныя на взаимныхъ услугахъ самаго разнообразнаго характера, но въ этомъ въ то время не было и тѣни какого-либо надзора надъ студентами, который, какъ извѣстно, введенъ былъ въ университетскій строй въ послѣдующее время.

Изъ всѣхъ моихъ однокурсниковъ наиболѣе близкимъ мнѣ былъ Сергѣй Архиповъ, и о немъ и его семьѣ стоитъ поговорить. Мы остались друзьями до конца его жизни, и нашему сближенію способствовало не только то, что мы были однокурсниками,—а это продлилось лишь одинъ годъ, ибо Сергѣй Архиповъ, по болѣзни, остался на другой годъ на первомъ курсѣ, и такимъ образомъ я его опередилъ,—сколько то, что много у насъ было общаго, связующаго насъ. Начать съ того, что его отецъ Павелъ Ивановичъ, въ качествѣ повѣреннаго, занимался дѣлами моего отца и часто бывалъ у насъ въ домѣ. Это былъ типичный повѣренный стараго закала, умный, знающій свое дѣло, обладавшій мягкими, скажу вкрадчивыми, манерами, но въ высокой степени добропорядочный и правдивый. Въ то время, когда я особенно сблизился съ его семьей, онъ уже былъ въ преклонныхъ годахъ, мало выходилъ изъ дома, почти не снималъ халата изъ-за нездоровья, по большей части мнимаго, и жилъ онъ, во главѣ своей многочисленной семьи, настоящимъ патріархомъ. Семья его состояла изъ двухъ дочерей отъ перваго брака, въ то время уже бывшихъ замужемъ, и одной отъ второго, и четырехъ сыновей. Старшій Николай былъ помощникомъ своего отца по веденію дѣлъ и, по открытіи новыхъ судовъ, вступилъ въ корпорацію присяжныхъ повѣренныхъ и завоевалъ себѣ въ ней прочную репутацію. Второй Иванъ былъ уже профессоромъ химіи въ техническомъ училищѣ, впослѣдствіи же игралъ крупную роль въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Третій Михаилъ кончалъ

университетскій курсъ юристомъ. Это былъ перлъ всей семьи: умный, даровитый, жизнерадостный, онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова очарователенъ, и былъ настоящимъ другомъ своихъ друзей, товарищемъ своихъ товарищей. А неумолимая смерть унесла его въ молодыхъ еще годахъ. Младшій, Сергѣй, былъ въ душѣ идеалистъ, скажу даже поэтъ. Было что-то нѣжное, ласковое въ его натурѣ, что выдѣляло его среди всѣхъ его сверстниковъ. Прекрасный музыкантъ, онъ научилъ меня цѣнить музыку, въ которой я до этого былъ совершеннымъ профаномъ. Живя близко другъ отъ друга на Покровкѣ, рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы мы не видались и, помимо совмѣстныхъ занятій по курсовымъ предметамъ, мы любили читать литературныя произведенія, какъ старыя, такъ и вновь появляющіяся. Чего чего мы takimъ образомъ ни перечитали, и ни оцѣнили! Само собою разумѣется, что насъ взаимно связывали свойственныя молодежи сердечныя увлеченія, скажу романы, которыми такъ освѣщается и украшается молодая пора жизни, которые въ то время изобиловали для насъ.

Въ домѣ Архиповыхъ постоянно было много молодежи, какъ студентовъ, товарищей обоихъ младшихъ сыновей, такъ и болѣе или менѣе молодыхъ юристовъ, готовившихся къ адвокатурѣ подъ руководствомъ старика и его старшаго сына Николая, или служившихъ для нихъ помощниками по многочисленнымъ частнымъ дѣламъ, которыя они вели. Изъ числа этихъ послѣднихъ многіе вышли въ люди, какъ, на примѣръ, Дубровскій, ровесникъ по годамъ и по курсу старшему Архипову, который прозванъ нами былъ Шумскимъ по необыкновенному сходству своей наружности съ знаменитымъ артистомъ, Сергѣевскій, Илюдоръ Бушъ и др. Всѣ они составляли дружный, сплоченный кружокъ, о которомъ входившіе въ него долго сохраняли добрыя воспоминанія.

Товарищеское общеніе между студентами, безразлично, были ли они на одномъ и томъ же курсѣ или нѣтъ, проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Не говоря уже объ общихъ учебныхъ интересахъ и заботахъ, сколько было мотивовъ, житейскихъ обстоятельствъ, сколько было случайностей, которыя связывали молодыхъ людей, до этого ничего общаго не имѣвшихъ между собою и—что скрывать! ничего несохранившихъ между собою послѣ окончанія этой совмѣстной жизни, за немногими исключеніями, когда эти связи не поколебались и впослѣдствіи. Насъ опытъ не замедлилъ научить, что посѣщеніе театровъ въ одиночку это одно, а когда это бывало вмѣстѣ съ товарищами, то это совсѣмъ другое, и куда лучше! Думаю, что многіе изъ моихъ современниковъ невольно улыбнутся, вспомнивъ «чашки шоколада», которыя

они, въ компаніи своихъ товарищей, поглощали въ кондитерскихъ Педотти на Тверской, поблизости отъ университета, или Трамбле на Кузнецкомъ мосту, что всегда влекло за собою веселое фланированье по оживленнымъ улицамъ. А вѣроятно еще болѣе памятны имъ продолжительныя прогулки на бульварѣ, ближайшемъ къ мѣстожительству cadaго, происходившія весной, въ самый разгаръ экзаменовъ, когда группы студентовъ по вечерамъ отдыхали такимъ образомъ отъ дневныхъ занятій, и когда на этихъ бульварахъ, въ болѣе ранніе часы, толпилась «добропорядочная» публика, чуть не половина имъ знакомая, по крайней мѣрѣ по лицамъ, тоже благодаря жительству поблизости, а въ болѣе поздніе ее замѣняла другого рода публика, тоже не лишенная интереса для студентовъ.

XIII.

Надлежитъ мнѣ упомянуть вкратцѣ о моихъ современникахъ-студентахъ. Начну я съ тѣхъ, которые были одновременно со мной въ университетѣ и которые впоследствии создали себѣ имя, или чѣмъ-либо заявили себя на аренѣ общей жизни, а затѣмъ перейду къ тѣмъ, съ которыми я особенно сблизился по товарищески, независимо отъ учебныхъ, такъ сказать, связей и интересовъ. Изъ числа тѣхъ и другихъ уже немного осталось въ живыхъ, и мнѣ приходится съ грустью въ душѣ потревожить много тѣней прошлаго. Да простятъ мнѣ это онѣ!

Благодаря тому, что въ мое время не носили формы, мы по наружности ничѣмъ не отличались отъ «простого обывателя», и возрастныя отличія этой наружности какъ-то стушевывались. Можно было бы назвать такихъ, которымъ, казалось, было за 30 лѣтъ, и которые производили впечатлѣніе уже зрѣлыхъ мужчинъ, чуть не отцовъ семействъ, именно по отсутствію внѣшняго признака ихъ принадлежности къ студенческой корпорации. Это были черты, ярко характеризовавшія студентовъ моего времени

Нѣкоторые общіе интересы и отношенія связывали насъ, первокурсниковъ, со студентами старшихъ курсовъ, но того же факультета, состоявшаго, какъ извѣстно, изъ двухъ отдѣленій—естественнаго и чисто-математическаго,—и по мѣрѣ того, какъ мы переходили на слѣдующіе курсы, эти связи создавались, но въ обратномъ направленіи. Въ этихъ отношеніяхъ курса къ курсу замѣчалась одна черта, которая красной нитью проходила по нимъ, черта, которую можно бы назвать своего рода благоговѣніемъ, не безъ примѣси нѣкоторой зависти, младшихъ къ стар-

шимъ, и черта эта постепенно мѣняла свой характеръ, дѣлая насъ изъ благоговѣвшихъ передъ старшими, предметами благоговѣнія со стороны младшихъ.

Не буду я обозначать, кто на какомъ курсѣ былъ, чѣмъ загроможду и безъ того невольно сухой перечень своихъ современниковъ, состоявшихъ въ числѣ студентовъ московскаго университета въ теченіе всего 4-хъ лѣтъ моего въ немъ пребыванія. Назову Н. А. Умова, недавно скончавшагося, И. Е. Жуковскаго и Д. Н. Анучина, донинѣ здравствующихъ, профессоровъ московскаго университета, М. А. Щукина, занимавшаго долгое время видное мѣсто въ Государственномъ контролѣ, Сони́на, бывшаго членомъ академіи наукъ и профессоромъ чистой математики, Вилькинса, изслѣдователя Туркестанской фауны, умершаго въ молодыхъ еще годахъ, Меллера, тоже рано умершаго, который еще на студенческой скамьѣ обѣщалъ быть выдающимся ботаникомъ, Чистякова, который таковымъ и сталъ въ послѣдствіи и умеръ вскорѣ послѣ занятія имъ этой каѳедры, А. Дмитріева-Мамонова, который много лѣтъ прослужилъ въ Сибири и составилъ себѣ имя въ литературѣ, Гр. Волконскаго, недавно покинувшаго должность лаборанта по химіи въ нашемъ университетѣ, Брызгалова, получившаго позднѣе такую печальную извѣстность въ качествѣ инспектора студентовъ. Это все были естественники и математики.

Изъ юристовъ моего времени многіе стали знаменитостями. В. К. Плеве былъ на 4-мъ курсѣ, когда я былъ на 1-мъ, но, признаюсь, я его не помню, хотя не разъ слышалъ его фамилію отъ его однокурсниковъ,—М. Архипова и Булгакова. По курсу моложе меня былъ Н. В. Муравьевъ, уже въ то время отличавшійся необыкновенными дарованіями и часто упоминавшійся въ разговорахъ общихъ нашихъ товарищей, какъ выдающійся ораторъ. Красавецъ С. А. Муромцевъ, съ самаго вступленія своего въ университетъ, очень сблизился съ моимъ однофамильцемъ, Львомъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, недавно умершимъ. Они сообща стали издавать литографированныя лекціи, образцово составлявшіяся первымъ и роскошно издававшіяся на средства второго. Эти три лица задумали приготовить себя къ дѣятельности по, только что введеннымъ судебнымъ учрежденіямъ и съ этой цѣлью привлекли нѣсколькихъ своихъ товарищей и устроили настоящий судъ съ присяжными. Происходило это, по большей части, на квартирѣ Л. С. Голицына, и фотографическій снимокъ такого засѣданія приложенъ къ сборнику, изданному въ память Муромцева. Я хорошо помню, какъ уже въ то время репутація Муромцева и Муравьева такъ прочно установилась среди насъ, ихъ современниковъ, будущность ихъ такъ ярко обрисовалась для насъ, что не въ шутку

а очень серьезно, въ нашей средѣ царствовало убѣжденіе, что Муромцевъ будетъ предсѣдателемъ перваго русскаго законодательнаго собранія, а Муравьевъ президентомъ перваго отвѣтственнаго кабинета. Въ группѣ ихъ сотрудниковъ принимали болѣе или менѣе близкое участіе покойный М. В. Духовской, здравствующій нынѣ Н. А. Каблуковъ, В. М. Соболевскій, издатель Русскихъ Вѣдомостей, и многіе другіе, стяжавшіе себѣ почетное имя въ судебномъ мірѣ, а равно и въ профессурѣ. Вся эта молодежь была одушевлена высокими идеалами, увлеченіями, подкрѣпленными твердою надеждою на близкое осуществленіе этихъ идеаловъ, на возможность такового, и столь же твердою увѣренностью, что, она, эта молодежь, будетъ на высотѣ тѣхъ задачъ, передъ которыми она станетъ, по выходѣ изъ стѣнъ alma mater. Не надо забывать, что то было время расцвѣта новыхъ судебныхъ учреждений, послѣдовавшаго тотчасъ послѣ введенія земскихъ, которыя, въ свою очередь, появились вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Какіе широкіе и свѣтлые горизонты открывались передъ молодыми умами!

Изъ медиковъ я засталъ еще въ университетѣ братьевъ Остроумовыхъ, знаменитаго впослѣдствіи Алексѣя и его брата Василя, но оба они были по курсамъ гораздо старше меня. На одномъ курсѣ со мною былъ медикъ В.Ф. Снегиревъ, и мы вмѣстѣ слушали ботанику и химію. На филологическомъ факультетѣ одновременно со мною былъ Всеволодъ Миллеръ, о которомъ я уже упоминалъ ранѣе. Были еще Захарбековъ, впослѣдствіи выдающійся педагогъ, Позняковъ—юристъ, стоявшій долгое время во главѣ статистическаго отдѣла Московскаго Городскаго управленія и т. д.

XIV.

Перейду теперь къ своимъ современникамъ, съ которыми связывали меня не одни учебные интересы, т.-е., одновременное пребываніе въ стѣнахъ университета, но и другія, притомъ самыя разнообразныя, связи—общественныя, свѣтскія и иныя. Какъ я уже говорилъ, поступленіе въ университетъ являлось въ то время достиженіемъ своего рода совершеннолѣтія, и это особенно ощутительно было для тѣхъ студентовъ, которые выросли и воспитались въ своихъ семьяхъ, имѣвшихъ осядлость свою въ Москвѣ. Такой юноша разомъ дѣлался полноправнымъ членомъ общества, съ которымъ болѣе его старшіе обращались уже не какъ съ мальчикомъ, а какъ съ равнымъ себѣ. Этотъ переходъ бывало очень чутко ощущался нами и, само собою разумѣется, немало способствовалъ развитію въ насъ извѣстной самооцѣнки.

Если, съ одной стороны, наши общественныя отношенія имѣли источникомъ своимъ университетское товарищество, совмѣстное нахожденіе наше въ немъ, то, съ другой стороны, они обусловлены были прежнимъ знакомствомъ между нашими домами, какъ тогда говорили, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подкрѣплялись еще и родственными связями, а равно случайными встрѣчами, сближеніями въ разныхъ общественныхъ сферахъ. Поэтому, говоря о своихъ современникахъ, я долженъ буду упомянуть и о тѣхъ коллективностяхъ—домахъ, семействахъ, группахъ,—въ составъ коихъ они входили, или съ интересами коихъ они были связаны.

Одна изъ такихъ коллективностей была особенно многочисленна. Входившіе въ ея составъ товарищи мои были Оболенскіе—братья Владиміръ, Валерьянъ (впослѣдствіи товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ) и Платонъ, всѣ уже почившіе, и ихъ двоюродный братъ, Александръ, нынѣ членъ Государственнаго совѣта. Къ нимъ примыкали многочисленные ихъ родственники, болѣе или менѣе близкіе,—братья Свербеевы, братья Давыдовы, изъ коихъ одинъ, Николай Васильевичъ, здравствуетъ, и о немъ мнѣ придется еще говорить, Борисъ Лопухинъ, Федоръ Соллогубъ и др. Вся эта молодежь принадлежала къ семьямъ, родственнымъ между собою, постоянно жившимъ въ Москвѣ и въ составъ коихъ входилъ и женскій элементъ, бывший для многихъ притягательной силой. Особенно это было въ семьѣ Лопухиныхъ, типичный домъ которыхъ на Молчановкѣ былъ постоянно открытъ и чуть не каждый вечеръ въ немъ собиралась веселая молодежь, гостепріимно встрѣчаемая запросто и безъ всякихъ претензій. Ко всѣмъ названнымъ выше юношамъ присоединялись еще многіе другіе, одинокіе, которые, благодаря своимъ товаришескимъ связямъ, съ членами той или другой семьи, какъ бы входили въ ихъ составъ, пока для нѣкоторыхъ изъ нихъ это участіе въ нихъ не упрочилось въ болѣе твердыхъ формахъ брачныхъ. Такими были Павелъ Капнистъ, будущій попечитель учебнаго округа, женившійся на одной изъ Лопухиныхъ, и неразлучный его товарищъ Викторъ Тизенгаузенъ, недавно скончавшійся въ званіи сенатора. Далѣе, Петръ Сѣверцовъ, красавецъ собою и постоянный дирижеръ московскихъ баловъ, поступившій послѣ университета на военную службу и кончившій довольно рано свою жизнь. Братья Булгаковы, Колюбакинъ, баронъ Бистромъ, Голсницевъ-Кутузовъ, прославившійся потомъ поэтъ, кн. Друцкой и много другихъ, которые либо сыграли извѣстную роль въ послѣдствіи, либо исчезли безслѣдно съ житейскаго горизонта.

Изъ другихъ группъ или домовъ выдѣлялся домъ Мартыновыхъ. Изъ этого многочисленнаго семейства трое были моими

современниками по университету—Сергѣй, много общавшій по выдающимся своимъ способностямъ и дарованіямъ. Дмитрій, долгое время бывшій Варшавскимъ губернаторомъ, и Викторъ, извѣстный земскій дѣятель въ Москвѣ, недавно скончавшійся. Ихъ отецъ, какъ извѣстно, былъ виновникомъ смерти Лермонтова. Его внѣшность, холодная и неприступная, навѣвала на насъ, товарищей его сыновей, какой-то инстинктивный страхъ, который чувствовался нами лишь только мы входили въ его домъ, весьма гостепріимный при этомъ. Особенно близки съ бр. Мартыновыми были нашъ здравствующій Н. В. Давыдовъ, который и въ то время, какъ и далѣе, былъ всеобщимъ любимцемъ, душою нашей молодой компаніи, и мой однофамилецъ, Левъ Сергѣевичъ, недавно умершій. Онъ провелъ все свое дѣтство и раннюю молодость за границей, едва зналъ по-русски и, пріѣхавъ въ Москву, когда ему было чуть не 25 лѣтъ, въ два года подготовился къ вступленію въ университетъ, гдѣ онъ не замедлил выдѣлиться среди своихъ однокурсниковъ и, благодаря тѣсному своему сближенію съ С. А. Муромцевымъ, сдѣлался центромъ крупной компаніи юристовъ.

Вся эта университетская молодежь была въ болѣе или менѣе близкомъ общеніи съ людьми другого рода, старше по годамъ, но все же входившими въ составъ московской молодежи. Можно бы назвать ихъ молодыми холостяками, которыми въ то время Москва изобиловала. Это были люди, обладавшіе хорошими средствами, или остатками таковыхъ, и жившіе въ свое удовольствіе, безъ всякихъ, казалось, цѣлей, обязанностей или интересовъ. То были типичные представители дворянской Москвы, давно уже отошедшей въ область преданій. Таковыми были Н. С. Корсаковъ, бывшій гусарь, красавецъ собой, немало женскихъ сердецъ побѣдившій, гр. Апраксинъ, уже пожилой, но постоянно вращавшійся въ кружкахъ молодежи, Киселевы, братья Талызины. Лука Ив. Похвисневъ, веселый собесѣдникъ и балагуръ, Ф. Карбановъ, театралъ и охотникъ до лошадей, разъѣзжавшій по Москвѣ въ саняхъ изъ розоваго дерева, съ бронзовыми украшеніями и на парѣ съ пристяжкой, причемъ эти лошади были подкованы серебряными подковами. Упомяну еще объ адъютантахъ генералъ-губернатора—Величковскомъ и кн. Урусовѣ.

XV.

Я не намѣренъ повѣствовать о московской жизни того времени, жизни общественной или свѣтской, которая во многихъ отношеніяхъ еще соотвѣтствовала популярному термину, обозначающему жизнь болѣе ранней эпохи, а именно Грибоѣдовской.

Если я упоминаю вкратцѣ о ней, то это съ цѣлью отмѣтить характеръ эпохи середины 60-хъ годовъ, характеръ переходный, въ полномъ смыслѣ этого слова. Прошло всего пять лѣтъ со времени обнародованія крестьянской реформы и вызванный ею переломъ всего общественнаго строя далеко не изгладилъ изъ него всего того, что создавалось крѣпостнымъ правомъ и вообще всѣмъ режимомъ предшествовавшаго царствованія. Люди, входившіе въ составъ московскихъ общественныхъ круговъ, мои ровесники, а тѣмъ болѣе всѣ, бывшіе старше меня, выросли и воспитались на крѣпостномъ правѣ, т.-е., на готовыхъ и по большей части значительныхъ средствахъ. Мы, студенты, занимались своими лекціями, экзаменами, удовольствіями всякаго рода, а люди, насъ старшіе, казалось намъ, занимались только этими послѣдними, благодаря этимъ средствамъ, благодаря этимъ барскимъ преданіямъ; такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Трудно теперь повѣрить, что такая жизнь, праздная, въ смыслѣ отсутствія въ ней какихъ-либо обязанностей, дѣловыхъ интересовъ, могла поглощать и удовлетворять людей, по своему времени образованныхъ, воспитанныхъ, и что эти люди имѣли исключительными задачами своей жизни лошадей, карты, женщинъ. Многіе изъ нихъ служили, т.-е. носили мундиръ или въ положенное время являлись въ мѣста своей службы, для чего?—сами они хорошенько этого не знали. Но, вмѣстѣ съ этимъ, многіе изъ нихъ не умѣли примѣниться къ новымъ условіямъ, выдвинутымъ реформами и всѣми вообще вѣяніями эпохи, да и не хотѣли, не столько потому, что не сочувствовали этимъ реформамъ и вѣяніямъ, сколько потому, что не считали ихъ лично ихъ затрагивающими и имѣющими неизбѣжно отразиться на ихъ образѣ жизни, привычкахъ, интересахъ.

А между тѣмъ, передъ нашими глазами совершался крупнѣйшій переломъ всей общественной жизни, который, помимо всѣхъ своихъ реальныхъ послѣдствій въ общемъ строѣ русскаго быта, отразился, въ частности, на бытѣ Москвы. Силою вещей, старая Москва, дворянская, крѣпостная, доживала послѣдніе свои годы и, не сознавая сего, продолжала жить по прежнимъ обычаямъ, прежнимъ житейскимъ формамъ, хотя часто приходилось намъ слышать болѣе или менѣе платоническія сожалѣнія о «добрѣмъ старомъ времени». Въ 1861 году, когда совершился великій актъ освобожденія, молодые люди моихъ лѣтъ были еще мальчиками, а потому мы не можемъ судить о томъ, какъ Москва реагировала въ первую минуту на самый фактъ освобожденія, а еще менѣе о томъ, что предшествовало его осуществленію. Но въ протекшіе за сямъ 5—6 лѣтъ мы созрѣли, научились сознательно глядѣть

кругомъ себя, и притомъ созрѣли мы внѣ рамокъ крѣпостного права, но при сохранившихся еще традиціяхъ его. Мы понимали, что этимъ актомъ освобожденія положенъ былъ конецъ одному тяжелому злу, и намъ казались комичными эти сожалѣнія о прежнемъ, безповоротно исчезнувшемъ съ лица земли. А комичнаго въ нихъ было много, начиная съ часто раздававшихся сѣтованій на совершившееся, которое приписывалось зловредному вліянію демагоговъ (къ числу которыхъ относились всѣ поголовно дѣятели крестьянской реформы), и надеждъ, что въ Петербургѣ «одумаются» и вернуть все прежнее, и кончая робкими увѣреніями себя, что крѣпостное право вовсе не было такимъ зломъ, какъ эти демагоги его описываютъ, и что оно не должно быть поставлено на одну доску съ рабствомъ, съ владѣніемъ людьми такихъ же людей. Но, помимо этихъ сѣтованій и сожалѣній, оставалось немало обычаевъ, сохранившихся, по преданію, отъ временъ крѣпостного состоянія и проявлявшихся въ обращеніи однихъ людей съ другими, почитаемыми тѣми другого сорта людьми, господъ со слугами, помѣщиковъ съ крестьянами, хотя и освобожденными отъ зависимости, но временно обязанными. Эти явленія, помню я, глубоко насъ возмущали, и на этой почвѣ у насъ часто бывали столкновенія съ болѣе насъ старшими, и мы чуяли въ отношеніи этихъ послѣднихъ по этому поводу плохо скрываемыя подозрѣнія насъ въ зараженіи зловредными теоріями и взглядами «демагоговъ».

Въ частности, совершившійся въ то время переломъ отразился на отношеніяхъ общества къ университетской молодежи. Я уже говорилъ, что режимъ университета рѣзко измѣнился, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ былъ онъ въ Николаевское время, но, помимо этой, домашней, такъ сказать, перемѣны, были и другія, которыя проявлялись не столько въ осязательныхъ формахъ, сколько въ настроеніи молодежи и въ томъ, какъ относились къ ней люди, старшіе ея годами, люди—дѣятели осуществившихся реформъ или имъ сочувствовавшіе. Многое, что мы видѣли, что понимали, внушало намъ увѣренность, что намъ вскорѣ откроются новые пути къ широкой дѣятельности, къ работѣ на мѣстахъ, т.-е., во вновь создаваемыхъ общественныхъ учрежденіяхъ, земскихъ, городскихъ, крестьянскихъ, и я смѣло могу сказать, что многіе изъ моихъ современниковъ, стяжавшихъ себѣ въ послѣдствіи почетное имя въ области общественнаго труда, обязаны были этимъ тому, что заронилось въ ихъ души именно въ эту эпоху, когда они, будучи еще студентами, были свидѣтелями медоваго мѣсяца великихъ реформъ. А между тѣмъ прежніе взгляды на будущность учащейся молодежи сохраняли

свою силу, оставались ходичими, какъ ни было много такого, что ихъ подрывало. Въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ, — назову ихъ салонными, — царствовало убѣжденіе, что молодому человѣку изъ «хорошей фамиліи», по окончаніи имъ университетскаго курса, предстоить только одинъ путь — Петербургъ. т.-е. служба въ дипломатіи, въ гвардіи, въ департаментѣ и лишь въ худшемъ случаѣ въ канцеляріи какого-либо провинціального губернатора. Если же такой юноша говорилъ, что онъ намѣренъ поселиться въ деревнѣ, заняться своимъ хозяйствомъ, своими бывшими крѣпостными крестьянами, или тамъ же служить по земству, или по мировому суду, то онъ въ этихъ кругахъ возбуждалъ бы подозрѣніе въ вольнодумствѣ или, въ лучшемъ случаѣ, въ поврежденіи умственныхъ способностей.

XVI.

Само собою разумѣется, что наша университетская молодежь поголовно была увлечена общественнымъ движеніемъ, которое передъ ея глазами постепенно получало конкретныя формы, вполне доступныя ея любопытству, во вновь созданныхъ учрежденіяхъ, городскихъ и земскихъ съ одной стороны, судебныхъ съ другой. Въ качествѣ публики мы посѣщали тѣ и другія, многіе изъ нашихъ товарищей даже болѣе усердно, чѣмъ лекціи, и между ними были такіе, которые брали на себя обязанности газетныхъ репортеровъ въ залахъ суда или камерахъ мировыхъ судей. имѣя въ этомъ значительный въ то время заработокъ.

Засѣданія Городской думы, помѣщавшейся тогда на Воздвиженкѣ, въ домѣ Шереметева, мало привлекали наше вниманіе, — долженъ я въ этомъ признаться, ибо по спеціальности своихъ задачъ они мало говорили нашему воображенію и мало отвѣчали нашимъ идеаламъ. По положенію 1863 года, Дума состояла изъ гласныхъ въ равномъ числѣ отъ пяти городскихъ сословій. избираемыхъ каждымъ изъ нихъ отдѣльно. Городскимъ головой былъ кн. А. А. Щербатовъ, пробывшій въ этой должности шесть лѣтъ и завоевавшій себѣ общую любовь и уваженіе, вполне имъ заслуженныя тѣмъ, какъ мастерски онъ справлялся съ трудной задачей, выпавшею ему на долю, — изъ архаическаго учрежденія, существовавшаго по положенію 1823 года, сдѣлать нѣчто, отвѣчающее современнымъ требованіямъ и новымъ теченіямъ общественной жизни. Въ числѣ его заслугъ надлежитъ отмѣнить его умѣнье слить и согласовать сословія, въ то время гораздо болѣе обособленные, чѣмъ теперь, и сдѣлать это на почвѣ общаго городского дѣла.

Земскія собранія гораздо болѣе насъ интересовали, быть можетъ, по той причинѣ, что они происходили сессіями, тогда какъ городскія собирались круглый годъ, по 2—3 раза въ мѣсяцъ, почему земскія представляли собою нѣкоторымъ образомъ событіе. Засѣданія первой сессіи губернскаго собранія имѣли мѣсто въ малой залѣ дворянскаго собранія и, если память мнѣ не измѣняетъ, это было осенью. Студенты очень охотно посѣщали ихъ, внимательно вслушивались въ пренія, симпатизировали однимъ ораторамъ, раздражались отъ другихъ и, такимъ образомъ, разбивались на партіи, соотвѣтствовавшія тѣмъ, которыя были въ собраніи. Нельзя не сказать, что это земское собраніе было въ полномъ смыслѣ слова цвѣтомъ всѣхъ сословій Москвы и ея губерніи, что въ немъ слилось все, что было лучшаго, благонамѣреннѣйшаго, вѣрующаго въ свѣтъ и правду.

Прежде чѣмъ перейти къ подробностямъ, я долженъ сдѣлать одно общее замѣчаніе касательно первыхъ дней земскаго дѣла въ Москвѣ. Само собою разумѣется, что въ отношеніяхъ общества къ земскимъ учрежденіямъ, въ активномъ участіи въ нихъ людей, смолоду привыкшихъ къ коронной службѣ, и внезапно очутившихся въ чемъ-то, похожемъ на парламентъ, было много увлеченія, даже много ребяческаго. Прелесть новизны играла въ этомъ извѣстную роль. Но, рядомъ съ этимъ, многіе изъ этихъ участниковъ, а еще болѣе изъ сторонней публики, видѣли въ земствѣ, въ мѣстномъ представительствѣ, въ области самоуправленія, первый шагъ къ государственному перевороту и одни видѣли въ этомъ логическій вѣнецъ осуществленныхъ реформъ, другіе же опасность для всего строя, и эти послѣдніе, въ свою очередь, дѣлились на такихъ, которые считали народъ недоросшимъ еще до конституціи (фразу эту я слышу вотъ уже 50 лѣтъ), и такихъ, которые абсолютно отвергали самую идею о представительствѣ и признавали уже данное, земское, грубою ошибкою, на счетъ которой «одумаются». Нельзя не добавить, что ожиданія конечной реформы, не скрывавшіяся въ то время и являвшіяся въ нѣкоторомъ родѣ забѣганіемъ впередъ, въ значительной степени повредили, на первыхъ порахъ, земскимъ учрежденіямъ; ибо самое слово конституція продолжало быть пугаломъ для многихъ изъ «властей предрежающихъ» и было въ ихъ рукахъ удобнымъ и благодарнымъ орудіемъ для борьбы противъ земства. Въмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые земцы перваго призыва, не въ мѣру увлекшись парламентскими обычаями, стали вводить ихъ въ земскія собранія и не воздерживались при этомъ отъ возбужденія въ нихъ общегосударственныхъ вопросовъ. Проявилось это прежде всего въ Петербургскомъ губернскомъ собраніи и чуть ли

не на второй годъ его существованія вызвало извѣстную катастрофу—закрытіе его на продолжительное время, причемъ виновники ея, фонъ Крузе и гр. Шуваловъ, сдѣлались героями дня въ глазахъ однихъ, и чуть не преступниками—въ другихъ. Конечно, въ этомъ большую роль играла та перемѣна направленія общей правительственной политики, которая воспослѣдовала послѣ рокового выстрѣла Каракозова и которая надолго затормозила дальнѣйшее развитіе великихъ реформъ, освѣтившихъ собою первое десятилѣтіе царствованія Александра II.

Губернскимъ земскимъ собраніемъ предсѣдательствовалъ губернскій предводитель кн. Левъ Гагаринъ. Это былъ образцовый предсѣдатель, спокойный, безпристрастный, не навязывавшій своимъ мнѣнію властью предсѣдателя, но умѣвшій ихъ во время высказывать, дававшій другимъ говорить, но искусно направлявшій пренія и не позволявшій имъ разбрасываться и превосходно резюмировавшій пренія и ставившій вопросы. Гагаринъ являлъ собою живое доказательство какъ того, что у насъ были люди пригодные для дѣла и помимо петербургскихъ канцелярій, такъ и того, что наши бары доросли и созрѣли до настоящаго представительства. Если бы не трагическая кончина его въ 1867 г.—онъ погибъ въ горномъ потокѣ гдѣ-то въ Тиролѣ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ,—ему предстояла бы крупная общественная роль.

Первымъ предсѣдателемъ губернской земской управы избранъ былъ Д. А. Наумовъ, пробывшій въ этой должности болѣе 25 лѣтъ и завоевавшій себѣ въ ней общее уваженіе. Съ первыхъ же дней своей службы онъ сталъ хозяиномъ земскаго дѣла и сразу поставилъ исполнительный органъ—управу въ надлежащія отношенія къ законодательному—губернскому собранію, и сдѣлалъ это безъ нарушенія или умаленія отвѣтственности перваго передъ вторымъ и безъ допущенія вторженія второго въ область перваго. Было что-то подкупающее въ томъ, какъ онъ защищалъ или оправдывалъ дѣйствія управы передъ собраніемъ, въ которомъ съ первыхъ же дней раздавались не всегда умѣренные и обоснованныя нападки на нее, въ его, всегда скромной, но содержательной аргументаціи, чуждой всякихъ ораторскихъ эффектовъ, даже въ его мягкомъ, нѣжномъ голосѣ. Первоначально ближайшими его сотрудниками въ управѣ были избраные ея членами—гр. А. В. Бобринскій, впоследствии губернскій предводитель въ Москвѣ, и П. А. Васильчиковъ, но они скоро уступили мѣсто въ ней другимъ лицамъ, болѣе привыкшимъ къ черной работѣ, оставаясь, однако, гласными собранія.

Въ собраніи этомъ болѣе всѣхъ выдѣлялись, въ качествѣ ораторовъ, Д. Д. Голохвастовъ и Ю. Ф. Самаринъ. Первый изъ

нихъ былъ въ полномъ смыслѣ слова блестящій ораторъ: обладая красивою наружностью, звучнымъ голосомъ и превосходною дикціей, онъ привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе публики, притомъ преимущественно женская ея половина особенно бывала въ большемъ числѣ, когда извѣстно было, что онъ выступитъ по тому или другому докладу. Печаленъ былъ его конецъ: слѣпой, полупараличный, онъ доживалъ свой вѣкъ въ полномъ одиночествѣ, въ деревнѣ, всѣми забытый.

Самаринъ не часто выступалъ въ земскомъ собраніи, посвятивъ себя почти исключительно работѣ въ городской думѣ. Если Голохвастовъ былъ блестящимъ ораторомъ, то Самаринъ былъ дѣловымъ: строго логическій, послѣдовательный въ развитіи своей мысли, мастерски умѣвшій охватить предметъ и выставить его въ надлежащемъ освѣщеніи, онъ всего болѣе отличался въ критикѣ, въ критической, если даже не въ отрицательной оцѣнкѣ объекта преній.

Часто раздавался въ собраніи шепелявый голосъ Н. М. Смирнова, въ то время уже очень пожилого человѣка, бывшаго когда-то губернаторомъ въ Калугѣ, супруга котораго Александра Осиповна, столь извѣстна, какъ пріятельница Пушкина и Гоголя. Своеобразна была его рѣчь, въ которой порою было болѣе подражываемаго, чѣмъ высказаннаго, и эта особенность однажды послужила поводомъ къ крупному столкновенію его въ собраніи съ Самаринымъ, сдѣлавшимъ запальчивое нападеніе на дворянскія привилегіи, на которыя не кстати указалъ Смирновъ. Ив. Ив. Мусинъ-Пушкинъ, въ душѣ идеалистъ, съ первыхъ же шаговъ земства явилъ себя фанатикомъ общественнаго долга, и не было вопроса или доклада, по которому онъ не высказалъ бы своего мнѣнія, всегда въ тонѣ доктринера, но авторитетно и съ глубокою вѣрою въ себя. Гр. А. С. Уваровъ былъ одинъ изъ увы! очень немногихъ вельможъ, или представителей высшей аристократіи нашей, по рожденію и воспитанію предназначенный къ блестящей «карьерѣ»,—по неволѣ долженъ употребить этотъ нелѣпый терминъ,—который съ молодыхъ лѣтъ поставилъ себѣ главною цѣлю въ жизни—науку. Онъ посвятилъ свои силы и свои весьма значительныя средства служенію наукъ—археологіи, исторіи, эстетикѣ и сдѣлалъ онъ это не по дилетантски, «въ свободныя отъ праздности минуты», какъ это дѣлаютъ наши меценаты, признанные и непризнанные, а былъ дѣйствительно ученымъ-специалистомъ, стяжавшимъ себѣ почетное имя въ научномъ мірѣ. Конечно Уваровъ могъ бы блистать и въ болѣе широкихъ областяхъ дѣятельности, но онъ этого не захотѣлъ и ограничился земскимъ дѣломъ, въ которомъ онъ имѣлъ не малое значеніе. И какой это

былъ очаровательный собесѣдникъ въ обществѣ, остроумный, живой, молодой душою и умѣвшій понимать и цѣнить молодежь.

Упомяну еще о нѣкоторыхъ гласныхъ, игравшихъ въ собраніи болѣе или менѣе видную роль. Старикъ Ильинъ, умный самородокъ, часто вступалъ въ пренія, правда въ довольно грубоватой формѣ, являвшейся какъ бы отголоскомъ давно миновавшей эпохи. Наоборотъ, изящный тонъ вносился молодымъ Кирѣевымъ. Однимъ изъ приближенныхъ вел. кн. Константина, причемъ онъ часто украшалъ свою рѣчь красивыми фразами на англійскомъ языкѣ. Въ числѣ гласныхъ были профессора Московскаго университета Бабстъ и Лешковъ, специализировавшіеся первый на экономическихъ вопросахъ, второй—на юридическихъ. Двое Безобразовыхъ, Владиміръ и Михаилъ, были интересными личностями. Первый, академикъ, былъ экономистъ по профессіи, и рѣчь его въ хозяйственныхъ дѣлахъ звучала большой авторитетностью, второй же былъ крупнымъ ораторомъ, очень любившимъ поговорить и себя послушать и ораторствовалъ онъ съ одинаковою охотою въ земскомъ собраніи и въ дамскихъ гостиныхъ, гдѣ его заслушивались. Изъ числа дѣльцовъ-практиковъ выдѣлялся М. И. Коваленскій, бывшій мировымъ посредникомъ перваго призыва. Онъ обладалъ своеобразною наружностью, какъ-то откинутою въ одну сторону; онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ собраніи, которое внимательно вслушивалось въ его рѣчь, всегда дѣльную, на чисто русскомъ, почти простонародномъ, языкѣ. Наконецъ были представители г. Москвы Д. Д. Шумахеръ, бывшій впоследствии городскимъ головой, и К. К. Шильдбахъ, основатель городского кредитнаго общества, и наиболѣе видныя силы московскаго купечества: В. И. Якунчиковъ, И. А. Ляминъ. В. М. Бостанжогло и пр.

Вспоминая эту плеяду дѣятелей, мнѣ представляются вполне безосновательными постоянно раздающіяся,—и въ то время раздававшіяся, а ранѣе, вѣроятно, еще болѣе,—сѣтованія на то, что на Руси царствуетъ безлюдіе, и что «на Руси много мѣстъ для людей, а мало людей на мѣстѣ», говоря словами кн. Вяземскаго. Нашлись же люди, когда они потребовались, для крестьянской реформы, для земства и городского управленія, для гласнаго суда, и нашлись они не потому, что эта эпоха была почему-либо особенно богата выдающимися силами, звѣздами первой величины, а потому, что время было другое, и потребности его понимались иначе, чѣмъ до и послѣ. То было время, когда правительство и общество шли рука объ руку въ своихъ обновительныхъ и преобразовательныхъ задачахъ, когда они одушевлены были одной вѣрой въ благо—этихъ задачъ, одними идеалами правды. Люди послѣду-

ющихъ за нашимъ поколѣній вправѣ позавидовать намъ, что мы пережили ту эпоху, что видѣли и уже могли понимать все, совершавшееся тогда вокругъ насъ.

XVII.

Въ качествѣ свидѣтеля первыхъ дней существованія общественныхъ учреждений, я нахожу нужнымъ сдѣлать небольшое отступленіе въ моемъ дальнѣйшемъ повѣствованіи и высказать нѣкоторыя общія соображенія, касающіяся не университетскихъ моихъ воспоминаній въ частности, но имѣющія прямое отношеніе къ той эпохѣ.

При оцѣнкѣ той эпохи, которая въ исторіи получила уже наименование эпохи великихъ реформъ, надлежитъ имѣть въ виду, что, когда готовилось упраздненіе крѣпостного права, русское общество, или по крайней мѣрѣ дворянско-помѣщичья его часть, находились въ состояніи трепетнаго ожиданія какого то громаднаго переворота, чуть не революціи. Когда же ничего подобнаго не произошло, а, напротивъ, жизнь, казалось, потекла вполне нормально въ новыхъ условіяхъ и новой рамкѣ, то это общество почувствовало, что его опасенія были напрасны, и что можно жить и работать безпрепятственно и безъ постоянного страха кары за какія либо проявленія самостоятельности и свободолюбія. вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе культурныя силы этого общества сознали, что постепенно осуществлявшіяся реформы, равно и намѣчаемая для будущаго, быстрыми шагами ведутъ Россію по пути къ народному представительству. Благодаря сему, оно встряхнулось,—другого, болѣе подходящаго слова, я не подберу. Общество отбросило прежніе страхи, оно почувствовало себя свободнымъ отъ всего, что его угнетало такъ долго, оно оцѣнило призывъ правительства къ совмѣстной работѣ, ради созданія правового строя и во многихъ случаяхъ единодушно пошло навстрѣчу этому призыву.

Само собою разумѣется были скептики, сомнѣвавшіеся въ плодахъ этой работы, были и отрицатели, высказывавшіеся подъ внушеніемъ либо страха, либо озлобленія, но голоса ихъ терялись, на рѣчи ихъ мало обращалось вниманія. Общій тонъ, общее настроеніе повышалось по мѣрѣ того, какъ обѣщанія осуществлялись, и мы, въ то время юноши, почти мальчики, стоявшіе очень далеко отъ политическихъ и общественныхъ движеній, понимали, однако, это приподнятое настроеніе, это охватившее все общество стремленіе къ строительству на новыхъ, широкихъ началахъ, и это пониманіе происходившаго во многихъ изъ насъ заронилось прочно и неотразимо.

Не разъ приходилось мнѣ слышать разговоры о конституціонномъ образѣ правленія, какъ о логическомъ увѣнчаніи осуществленныхъ уже или только еще намѣченныхъ реформъ. Эти разговоры, хотя и велись совѣмъ свободно, но все же во многихъ вызывали особаго рода опасенія, не столько по самому существу своему, сколько по традиціямъ стараго времени о томъ, что и «стѣны имѣютъ уши». Эти опасенія, помнится, только забавляли насъ, молодежь, и не гадали мы, что очень скоро эти опасенія возьмутъ верхъ и лягутъ въ основу всего дальнѣйшаго. Въ общественномъ движеніи 60-хъ годовъ, въ постепенномъ развитіи великихъ реформъ, словомъ, во всемъ, что собою ознаменовало ту безпримѣрную въ нашей исторіи эпоху, выстрѣлъ Каракозова сыгралъ такую же роковую, злостную роль, какая выпала ему на долю въ болѣе тѣсной области нашего университетскаго строя, о чемъ я уже говорилъ выше. Вліятельные круги общества испугались того, не зашли ли слишкомъ далеко съ реформами, исходя изъ того афоризма, который мнѣ пришлось слышать вотъ уже 50 лѣтъ, что народъ не доросъ до какихъ бы то ни было свободъ, до существованія безъ опеки. Эта тема стала весьма популярною и благодарною, и пользовавшіеся ею не замедлили оказать воздѣйствіе, гдѣ слѣдовало, на перемѣну направленія, на водвореніе реакціи. Благодаря этому, несмотря на короткій промежутокъ времени, протекшій между 1866 и 1869 годами, эти два года оказались совершенно непохожими другъ на друга въ смыслѣ настроенія общества по отношенію къ реформамъ, не говоря уже о томъ, что эти реформы были подорваны въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи и усовершенствованіи. Насколько восторжествовавшая реакція основывалась на убѣжденіи тѣхъ, кто перетянулъ на свою сторону и не было ли въ этомъ какихъ либо своекорыстныхъ, болѣе или менѣе эгоистичныхъ побужденій,—я не берусь судить. Но намъ, молодежи, казалось, что какъ было не ополчиться имъ. этимъ представителямъ старыхъ, отжившихъ порядковъ, на все новое, что создавалось, разъ крестьянская реформа ударила ихъ по карману, земская сократила административный произволъ, судебная создала отвѣтственность передъ общественною совѣстью и, къ довершенію всего, въ будущемъ виднѣлась угроза прѣдставительнаго образа правленія.

XVIII.

Не менѣе земскихъ собраній насъ, студентовъ, увлекали новыя суды, только что передъ тѣмъ открывшіе свои дѣйствія и, какъ общіе, такъ и судебно-мировые, одинаково представлявшіе небывалую новизну. Новизна эта особенно ощущалась въ то время

обществомъ, ибо оно хорошо знало и по собственному своему, горькому опыту, все безобразіе старыхъ судовъ, ихъ крючкотворство и взяточничество, ихъ «черную неправду», такъ рѣзко заклеянную поэтами. И вдругъ общество видитъ, что судъ рѣшаетъ дѣла скоро, правдиво, гласно, безъ вѣѣвшихся въ наши обычаи подъяческихъ ухищреній, безъ помощи того или другого рода обходовъ, уловокъ или подкуповъ. Но и по отношенію къ новому суду замѣтно было двойственное теченіе въ обществѣ. Если одни съ жаромъ увлеклись введенными формами судопроизводства, либо участвуя лично въ тѣхъ или другихъ судебныхъ учрежденіяхъ, либо имѣя въ производствѣ ихъ свои дѣла, и сознавали, что ими сдѣланъ былъ крупный шагъ къ благоустроенію, общественному и государственному, то съ другой стороны было немало старовѣровъ, или скептиковъ, не столько сожалѣвшихъ о старомъ судѣ, сколько не довѣрявшихъ новымъ, сомнѣвавшихся въ ихъ правосудіи, а, главное, не понимавшихъ ихъ строя и ихъ задачъ. Много разъ приходилось мнѣ слышать сѣтованія на уравниеніе всѣхъ передъ судами, которое считалось унижительнымъ и даже оскорбительнымъ для дворянина или заслуженнаго чиновника, рисковавшихъ быть призванными къ отвѣту передъ судомъ своимъ кучеромъ, и это выставлялось, какъ потрясеніе основъ. Было что-то комическое въ недоумѣніи тѣхъ, кто никакъ не могъ себѣ усвоить идею о судебной защитѣ. Ради чего, говорили они, защищать завѣдомаго преступника, уличеннаго въ совершенномъ имъ дѣяніи, убійцу или вора, которыхъ полиція накрыла на мѣстѣ преступленія?—Нельзя не сказать, что на первыхъ порахъ нѣсколько неудачныхъ оправдательныхъ приговоровъ придали этимъ рѣчамъ что-то въ родѣ основанія и, въ дальнѣйшемъ, это было использовано для урѣзыванія компетенціи судовъ, а всѣмъ извѣстно, какъ дѣло ушло далеко въ этомъ направленіи.

Молодежь, посѣщавшую судебныя засѣданія, плѣняла ихъ картинность, торжественность ихъ обстановки, столь необычная для нихъ въ то время. Эту торжественность подчеркивалъ собою, своею внѣшностью и обращеніемъ чаще всѣхъ предсѣдательствовавшій въ уголовномъ отдѣленіи Е. Е. Люминарскій. Высокаго роста, невозмутимо-спокойный, обладавшій громкимъ голосомъ, не требовавшимъ никакого напряженія, онъ, казалось, былъ рожденъ для предсѣдательской роли и являлъ собою прототипъ судьи праведнаго. Съ какимъ мастерствомъ велъ онъ допросъ, уравнивавши пренія сторонъ, вывѣдывалъ всѣ тайны дѣла отъ подсудимаго и отъ свидѣтелей, какъ оттѣнялъ онъ показанія этихъ послѣднихъ, смотря по тому, какого рода люди это были.

Въ прокуратурѣ выделялся Громницкій, а въ адвокатурѣ Селовьевъ, Шайкевичъ и въ особенности кн. А. И. Урусовъ, который съ перваго же дѣла, въ которомъ онъ выступалъ защитникомъ, заблисталъ звѣздсю первой величины.

Не менѣе чѣмъ общими судебными учрежденіями, многіе студенты увлекались мировымъ судомъ и усердно посѣщали участковыя камеры. Надо сказать, что судьи перваго призыва, при самомъ началѣ своей дѣятельности, успѣли завоевать себѣ всеобщее уваженіе, сказали бы я популярность, если бы это слово не получило у насъ довольно пошлаго значенія. Достигли они этого уваженія не столько потому, что всѣ поголовно были они людьми особо выдающимися, а потому что ихъ роль, ихъ работа сразу олицетворила въ себѣ передъ глазами публики всѣмъ одинаково доступный, правдивый и гуманный судъ, безъ всякаго, столь всѣмъ опротивѣвшаго, крючкотворства. Если можно такъ выразиться,—судъ этотъ съ первыхъ же шаговъ своихъ оказался по плечу всей массѣ городского населенія, безъ различія ея словесъ, сословій, общественныхъ положеній и пр. Но нельзя не отмѣтить, что судьи, впервые вступившіе въ отправленіе своихъ обязанностей, прекрасно поняли свою задачу и съ первыхъ же дней своей дѣятельности избѣгли двухъ опасностей, которыя могли повредить самому дѣлу правосудія, а именно: легкаго отношенія къ этому дѣлу и излишней фамильярности въ словесномъ производствѣ его съ одной стороны, а съ другой сухого формализма, который легко могъ отчудить роль судьи отъ житейской реальности и поколебать довѣріе къ нему въ притекающихъ въ его камеру и отбить въ нихъ охоту обращаться къ нему. По долгу совѣсти, какъ бывший когда-то почетнымъ мировымъ судьей въ Москвѣ, я долженъ сказать, что это направленіе, это высокое достоинство мирового суда непоколебимо сохранялось мировыми судьями, преемственно призывавшимися къ этой задачѣ, и традиціонно передавалось однимъ поколѣніемъ судей другому.

Само собою разумѣется, что въ числѣ судей перваго призыва были такіе, которые выделялись крупными своими достоинствами—авторитетностью, знаніемъ жизни во всѣхъ, безконечно разнообразныхъ ея явленіяхъ и условіяхъ, умѣніемъ стать на уровень подсудимыхъ, истцовъ и отвѣтчиковъ, и которые поэтому болѣе другихъ привлекали въ свои камеры любопытствующую публику, въ томъ числѣ и студентовъ. Но конечно въ этомъ любопытствѣ играла извѣстную роль и прелесть новизны.

Изъ числа судей перваго призыва назову Александра Лопухина, незадолго передъ тѣмъ блиставшаго въ свѣтскомъ обществѣ, какъ кавалеръ и танцоръ, и проявившаго себя крупною судьей-

скою силой; Н. Н. Грекова, бывшаго впоследствии председателемъ съѣзда; Полянскаго, который печально кончилъ въ злополучномъ дѣлѣ ссуднаго банка; Багриновскаго, веселаго и остроумнаго сатирика, камера котораго всего охотнѣе посѣщалась студентами, быть можетъ потому, что его участокъ—Срѣтенскій—имѣлъ специфическій родъ населенія, придававшій разбираемымъ имъ дѣламъ свой отличительный букетъ. Много было образцовыхъ людей между ними, и велика была ихъ заслуга, что положили они навѣки непоколебимую твердую основу московскому мировому институту.

XIX.

Значительную роль въ жизни московской университетской молодежи игралъ театръ. О русской оперѣ того времени распространяться нечего, ибо она была очень плоха, какъ по составу, такъ и по репертуару, ограниченному двумя операми Глинки и одною Даргомыжскаго. Въ сезонъ 1868—69 г. ее почти совсѣмъ вытѣснила изъ большого театра итальянская опера, весьма недурная по составу и имѣвшая во главѣ своей, въ качествѣ импрессаріо, извѣстнаго въ Европѣ Мерелли. О ней я еще поговорю по поводу студенческихъ концертовъ.

Но то была блестящая эпоха московскаго Малаго театра. Я сознаю, что называя ее такъ, моимъ читателямъ покажется, что я проявляю свойственную всѣмъ старымъ людямъ черту—выхвалять все, бывшее въ пору ихъ молодости и унижать послѣдовавшее въ позднѣйшее время, наступившее одновременно съ ихъ старостью. Но въ данномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о Маломъ театрѣ, мнѣ кажется нѣтъ основанія меня въ этомъ обвинять. Дѣйствительно трудно себѣ представить труппу того времени, вмѣщавшую въ себѣ столько крупныхъ и разнообразныхъ талантовъ, исполнявшую съ равнымъ совершенствомъ самый разнообразный репертуаръ, причемъ тѣ же силы, тѣ же таланты блистали одинаково въ произведеніяхъ самаго противоположнаго содержанія и характера и самой разнообразной цѣнности. Не могу не сказать, что наша молодежь того времени, помимо художественнаго наслажденія, искала въ театрѣ извѣстнаго рода школу, школу жизни.

Что касается художественности, надлежитъ отмѣтить, что въ то время довольно мало обращалось вниманія на виѣшность, на обстановку, но ея элементарная наивность и часто попадавшіеся анахронизмы нимало не смущали публику. Такъ, между прочимъ, «Горе отъ ума» исполнялось въ костюмахъ нашего времени, и Чацкій появлялся въ 1-мъ дѣйствіи въ фракѣ, а Софья

его встрѣчала въ криолинѣ! Правила обстановки выработались въ послѣдствіи и, какъ извѣстно, достигли степени цѣлой науки, сдѣлавъ изъ обстановки нѣчто неразрывно-связанное съ ансамблемъ, каковой въ то время требовался только въ игрѣ артистовъ.

Вотъ этотъ ансамбль артистовъ, въ той, далекой уже отъ насъ, эпохѣ, былъ таковъ, какого, безъ преувеличенія можно сказать, мы потомъ не видѣли. Помимо звѣздъ первой величины, исполнявшихъ главные роли, такъ картинно именуемыхъ французами *chefs d'emploi*, всѣ малѣйшія, выходныя роли поручались настоящимъ артистамъ, согласовавшимся въ игрѣ своей съ игрой главныхъ. Перейду теперь къ этимъ послѣднимъ.

На женскихъ роляхъ блистали молодыя Г. Н. Федотова, Н. А. Никулина и только что дебютировавшая въ «Эмили Галотти» М. Н. Ермолова. На роляхъ старыхъ или старѣющихъ женщинъ были Е. Н. Васильева, Н. М. Медвѣдева, затѣмъ комическія старухи Акимова и Рыкалова, недавно скончавшаяся въ глубокой старости. Начинали свою артистическую карьеру молодая Васильева, дочь Ек. Никол., перешедшая затѣмъ на Александринскій театръ въ Петербургъ и совсѣмъ юныя, бывшія тогда еще воспитанницами театральнаго училища, Гельцеръ, Мухина и Нелюбова.

Рядомъ съ этой женской плеядой сіяла такая же, если не болѣе блестящая, мужская: Садовскій—отецъ, Живокини, въ то время уже пожилой, Самаринъ, Дмитревскій, Шумскій, и, болѣе молодые: Вильде, Федотовъ А. Ф., Разказовъ и Михаилъ Садовскій, только еще начинающій. Не забудутъ никогда ихъ тѣ, кто видалъ на сценѣ малаго театра «Тартюфа» и «Школу женщинъ» Мольера, «На всякаго мудреца» и «Горячее сердце» Островскаго, «Самоуправцы» Писемскаго, далѣе комедіи, имѣвшія громадный успѣхъ, но нынѣ забытыя, какъ «На хлѣбахъ изъ милости», «По духовному завѣщанію» и «Ангель доброты и невинности» и, наконецъ, фарсы въ родѣ «Званный вечеръ съ итальянцами». Особенность этихъ великихъ артистовъ заключалась въ томъ, что въ какихъ бы роляхъ они ни выступали, все было въ ихъ исполненіи совершенствомъ. Такъ Шумскій одновременно былъ великолѣпенъ въ роли Ивана Грознаго въ трагедіи А. Толстого и въ роли мальчика-идіота въ глупомъ фарсѣ «Дальше въ лѣсъ, больше дровъ»; Садовскій въ роляхъ Любима Торцова и Кить Китычей и мольеровскаго Сганареля; Г. Н. Федотова въ «Воробушкахъ» и въ Офеліи. Вотъ этого мы, и болѣе насъ молодые, больше не видали.

По поводу Малаго театра я долженъ упомянуть объ одномъ лицѣ, близкомъ къ этому театру и въ то же время тѣсно сбли-

жавшемся съ нами студентами. Это К. А. Тарновскій, талантливый переводчикъ, или передѣлыватель иностранныхъ драматическихъ произведеній, которыя послѣдовательно ставились имъ на сценѣ Малаго театра. Хотя онъ по годамъ былъ гораздо старше насъ, но какъ то само собою сдѣлался онъ общимъ нашимъ товарищемъ и въ особенности тѣхъ, кто были театрами. Обладавшій крупнымъ и широкимъ умомъ, недюжиннымъ образованіемъ и несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, онъ пріобрѣлъ еще извѣстнаго рода лоскъ, добытый имъ изъ общенія съ иностранными литераторами и артистами и, благодаря всему этому, онъ былъ удивительнымъ собесѣдникомъ, душою общества, въ какой угодно компаніи. Съ эпохи моего студенчества насъ связала тѣсная дружба, продлившаяся до конца его жизни въ 1892 году. Театръ многимъ ему обязанъ, ибо до сихъ поръ не сошли съ репертуара многіе изъ его передѣлокъ и переводовъ. Печаленъ былъ его конецъ: разбитый продолжительной болѣзью, разорившійся до того, что жилъ почти исключительно на скудный авторскій гонораръ, онъ постепенно впадалъ въ старческій маразмъ и, бывало, лишь изрѣдка въ бесѣдахъ его сверкало прежнее остроуміе.

Большой театръ посѣщался молодежью вовсе не съ художественными цѣлями. Туда насъ привлекала не опера, которая, какъ я уже сказалъ, была болѣе, чѣмъ посредственная, а балетъ. Въ то время среди молодежи былъ обычай, получившій характеръ какой-то необходимости или обязательности и заимствованный отъ петербургской гвардейской и свѣтской молодежи, имѣть въ балетѣ свой интересъ, въ образѣ болѣе или менѣе изящной балерины. Такіе романы, начинавшіеся, какъ нѣкто выразился, черезъ рампу, получали дальнѣйшее развитіе, и многіе изъ моихъ современниковъ нашли въ нихъ свое счастье. Посѣщеніе балета считалось чѣмъ то для насъ обязательнымъ, и среди насъ былъ кружокъ, такъ называемыхъ, балетомановъ, для которыхъ, казалось, это было главною, если не единственною, цѣлью ихъ жизни, но большинство изъ насъ шло въ балетъ изъ простаго подражанія, изъ боязни отстать отъ другихъ и, нечего скрывать, мы шли туда не потому, что были увлечены какимъ-либо «предметомъ» на сценѣ, а увлекались потому, что бывали тамъ. Въ этомъ кружкѣ балетомановъ были не одни студенты-юноши, а люди, гораздо насъ старше, занимавшіе въ обществѣ извѣстное положеніе, и такіе общіе интересы само собою сплочивали насъ воедино, создавали особаго рода товарищество.

Своеобразное впечатлѣніе получалось, когда, по истеченіи многихъ лѣтъ, встрѣчался намъ кто-либо изъ этихъ поклонни-

ковъ Терпсихоры, когда то по цѣлымъ часамъ ожидавшихъ у театральнаго подлѣзда выхода своихъ «предметовъ», дабы наскоро перекинуться съ ними нѣсколькими словами, а еще болѣе, когда приходилось видѣть кого-либо изъ этихъ послѣднихъ, изъ балетныхъ фей, въ видѣ располнѣвшихъ помѣщицъ, матерей многочисленныхъ семействъ и проч.

Что касается до самаго балета, то его персоналъ, въ смыслѣ артистическомъ, былъ довольно слабымъ, но, въ противоположность драмѣ и оперѣ, театральная администрація не жалѣла средствъ на обстановку, которая, для того времени, казалась исключительно роскошною. Таковы были балеты «Конекъ-Горбунокъ», «Дочь Фараона», «Донъ-Кихотъ» и др. Конечно, дѣло не обходилось безъ курьезовъ, какъ, на примѣръ, въ этомъ послѣднемъ сцена изображала берегъ моря на томъ основаніи, что Донъ-Кихотъ былъ Ламанчскій, а потому дѣйствіе должно было происходить на берегу Ламанша. Но такіе промахи въ балетѣ встрѣчались рѣже, чѣмъ въ оперѣ, гдѣ, на примѣръ, оперы «Норма» и «Семирамида» поставлены были въ однѣхъ декораціяхъ и въ однихъ костюмахъ.

XX.

Въ нѣкоторой связи съ областью театра я долженъ упомянуть о почти ежегодно устраиваемыхъ концертахъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Въ бытность мою на первомъ курсѣ, т.-е., зимою 1865—66 г., устроено было два такихъ концерта въ залѣ Благороднаго собранія и номинально они даны были отъ попечительнаго о бѣдныхъ студентахъ комитета, о которомъ я выше говорилъ, но члены его мало принимали въ этомъ участіе, предоставивъ все дѣло инспектору Красовскому и избраннымъ имъ студентамъ-распорядителямъ. Самъ по себѣ первый концертъ былъ довольно плохъ, хотя въ немъ участвовали крупныя, по тому времени, силы—пѣвицы Оноре и Александрова-Кочетова, скрипачъ Минкусъ и извѣстный віолончелистъ Давидовъ, братъ нашего декана. Во второмъ же концертѣ, происходившемъ весною 1866 г., принялъ участіе знаменитый скрипачъ американецъ Оле-Буль. Но душою этихъ концертовъ былъ Н. Г. Рубинштейнъ, фактически взявшій на себя устройство музыкальной части и дирижировавшій въ обоихъ оркестрахъ. Сблизившись съ нимъ по случаю этихъ концертовъ, я понялъ, что онъ могъ быть для москвичей того времени своего рода кумиромъ, передъ которымъ они преклонялись и которому всячески помогали въ осуществленіи его широкихъ замысловъ. Умный, ласковый, веселый, онъ всюду былъ на мѣстѣ, всюду былъ душою общества или кружка,

и въ томъ числѣ съ нами, студентами моложе его на полтора десятка лѣтъ, онъ былъ не просто бывшимъ студентомъ, а какъ бы реально настоящимъ, однолѣткомъ съ нами. Но онъ сознавалъ свою силу, свое обаяніе, и умѣло пользовался этимъ въ своихъ предпріятіяхъ, изъ которыхъ наиболѣе крупнымъ является безспорно московская консерваторія, которая обязана своимъ созданіемъ исключительно ему. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ какъ человѣка, и какъ художника, его современники не могли угадать въ немъ еще и героя романовъ, каковыхъ у него было очень много, а, между тѣмъ, этотъ родъ славы, казалось, первенствовалъ надъ прочими его доблестями, по крайней мѣрѣ въ глазахъ многихъ представительницъ прекрасной половины московскаго общества.

Второй концертъ того же года состоялся дня три послѣ каравозовскаго покушенія, почему въ немъ имѣли мѣсто многочисленныя патріотическія манифестаціи, а по окончаніи его, вся толпа студентовъ, съ Красовскимъ, Рубинштейномъ и Оле Булемъ во главѣ, отправилась съ пѣніемъ гимна черезъ Охотный рядъ къ Иверской, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ, причемъ Рубинштейнъ управлялъ студенческимъ хоромъ, запрудившимъ собою часовню, оба проѣзда и часть площади.

Два года подрядъ концертовъ не было по случаю событій въ университетѣ, о которыхъ я говорилъ и которыя вызвали уходъ Красовскаго, а на 4-мъ курсѣ замѣнившій прежнюю инспекцію, но уже въ качествѣ проректора, профессоръ Г. Е. Щуровскій, выбралъ меня и Н. В. Давыдова главными распорядителями такового. Конечно, прежде всего мы обратились къ Н. Г. Рубинштейну, а онъ направилъ насъ къ антрепренеру итальянской оперы Мерелли, который весьма любезно предоставилъ намъ безвозмездно свою труппу. А труппа эта была очень хороша. Во главѣ ея стояла европейская знаменитость г-жа Арто-Падилла превосходная примадонна; мужъ ея, испанецъ Падилла, обладалъ прекраснымъ баритономъ. Изъ женщинъ были двѣ француженки, итальянизированные свои фамиліи Benoit на Benati и Ferry на Ferrucci: первая была на небольшихъ роляхъ, между прочимъ пажа въ «Баль-маскарадѣ» Верди, вторая же на драматическихъ. Была еще красивая венгерка Сарольта, пожиравшая сердца молодежи. Первымъ теноромъ былъ испанецъ Каріонъ, басъ Босси, весьма остроумный и забавный, баритонъ Рота, прекрасный артистъ. Н. Г. Рубинштейнъ, устроивъ весь концертъ, уступилъ, однако дирижерскую палочку оперному капельмейстеру Дюпону, бельгійцу, который впослѣдствіи прославился своими музыкальными композиціями. Если я подробно остановился на этомъ

концертъ, то сдѣлалъ я это потому, что въ устройствѣ его живѣйшее участіе принялъ, по приглашенію Рубинштейна, въ то время еще только восходившая звѣзда — П. И. Чайковскій. Что это была за очаровательная личность! Его имя было извѣстно тогда лишь немногимъ, слава еще не гремѣла, но знавшіе его лично учитывали уже его будущность. Въ обществѣ, болѣе или менѣе многочисленномъ, онъ какъ-то стѣснялся, выказывалъ извѣстнаго рода застѣнчивость, но въ небольшомъ кружкѣ онъ умѣлъ покорять сердца всѣхъ присутствовавшихъ, умѣлъ залѣзть имъ въ душу. И, много лѣтъ спустя, когда онъ былъ на апогеѣ своей славы, при довольно рѣдкихъ и случайныхъ моихъ съ нимъ встрѣчахъ, я видѣлъ въ немъ все того же мягкаго, ласковаго очарователя, какимъ явился мнѣ онъ при первой нашей встрѣчѣ на студенческомъ концертѣ и на устроенномъ послѣ того ужинѣ въ ресторанѣ гостиницы Лабади, на Лубянкѣ, гдѣ помѣщались всѣ пріѣзжіе итальянцы-артисты.

XXI.

Въ молодежи существуетъ особая склонность, приобретающая нерѣдко какую-то непобѣдимую силу, къ уличнымъ демонстраціямъ, къ проявленію себя внѣ стѣнъ вмѣщающихъ ихъ зданій. Думаю, что это свойство присуще молодежи любой эпохи и любой страны, и проявленіе его, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, носитъ характеръ ребяческій, притомъ вполне независимый отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя послужили поводомъ къ нимъ. Упомянутое мною шествіе студентовъ изъ концертной залы къ Иверской часовнѣ было однимъ изъ такихъ явленій и, всѣмъ намъ, участвовавшимъ въ немъ, рисовались картины подобныхъ же демонстрацій, происходившихъ въ другихъ странахъ и по другимъ поводамъ, о которыхъ мы читали въ книгахъ, или изображенія которыхъ попадались намъ въ заграничныхъ иллюстраціяхъ.

Въ ту же весну, когда происходилъ этотъ концертъ и послѣдовавшее за нимъ шествіе, совершилось еще событіе, вызвавшее подобную же уличную демонстрацію, въ которой большое число студентовъ приняло участіе. Мѣсяца полтора послѣ Каракозовскаго покушенія, въ Москву пріѣхалъ государь Александръ II съ семействомъ. Намъ стало извѣстно, что готовится необычная встрѣча и, несмотря на экзаменаціонное время, значительное число студентовъ сговорились принять въ ней участіе, конечно подъ вліяніемъ того стремленія къ тому, чтобы «показать себя» на улицѣ, о которомъ я говорилъ выше. Пріѣздъ царскій состоялся поздно ночью, — а ночь была свѣтлая, теплая, — и весь путь отъ Николаевского вокзала до Кремля былъ иллюминированъ, до-

вольно, впрочемъ, примитивно, плошками и шкаликами, но для того времени очень роскошно. А въ то время не было и помина о какихъ-либо стѣснительныхъ или охранительныхъ мѣрахъ, движеніе пѣшеходовъ было совершенно свободно, но экипажи поневолѣ направлялись въ другія улицы, ибо по этому пути они двигаться не могли изъ за толпы. Студенты группами бродили по улицамъ, то распѣвая пѣсни подъ аккомпанементъ военныхъ оркестровъ, помѣщавшихся либо на открытыхъ дворахъ нѣкоторыхъ домовъ, либо въ переулкахъ, то завязывая разговоры съ окружающими ихъ группами горожанъ обоего пола. Толпа была такъ велика, что я едва могъ двигаться и вынужденъ былъ скрыться на дворѣ дома К. Т. Солдатенкова, на Мясницкой, куда меня зазвалъ увидѣвшій меня черезъ рѣшетку племянникъ хозяина Василій, бывшій въ то время студентомъ на два курса старше меня. Трудно описать то, что произошло въ самый моментъ царскаго пріѣзда. Ничего подобнаго въ послѣдующее время мы болѣе не видали. Студенты разбрелись по своимъ домамъ, вполне довольные собою.

Въ слѣдующемъ году государь снова пріѣхалъ въ Москву весною же, въ сопровожденіи наслѣдника, будущаго Александра III и его молодой супруги. На этотъ разъ встрѣчи не было, по крайней мѣрѣ я и ближайшіе мои товарищи не знали о ней, ибо нашъ курсъ въ то время поглощенъ былъ особенно трудными, переходными съ 2-го на 3-й курсъ экзаменами. Объ этомъ царскомъ пріѣздѣ я упоминаю только потому, что государь принялъ приглашеніе на вечеръ, предложенный ему московскимъ купечествомъ. Для этого вечера построенъ былъ, чуть не въ одну недѣлю, обширный павильонъ въ Сокольникахъ, при самомъ выѣздѣ изъ роши на Ширяево поле, и павильонъ этотъ послужилъ еще и для другой цѣли, о которой стоитъ упомянуть.

Въ теченіе весеннихъ мѣсяцевъ этого года (1867 г.) устроена была въ большомъ манежѣ этнографическая выставка, инициаторомъ и главнымъ строителемъ которой былъ А. П. Богдановъ, выказавшій въ этомъ впервые свои громадныя организаторскія дарованія. Выставка имѣла большой успѣхъ среди москвичей, несмотря на свою спеціальность и на то, что многіе изъ нашихъ согражданъ не вполне ясно представляли себѣ, что собственно обозначается терминомъ «этнографическая». Но А. П. Богдановъ сумѣлъ придать ей характеръ популярный, ласкающій взоръ профановъ и возбуждающій ихъ интересъ. Въ помощь себѣ по устройству выставки онъ привлекъ всѣ наличныя силы ученаго міра, и это было первоначальное зерно, изъ котораго впоследствии выросло общество любителей естествознанія, а въ качествѣ рас-

порядителей онъ пригласилъ, какъ студентовъ, такъ и уже окончившихъ курсъ бывшихъ его воспитанниковъ. Но нашъ курсъ не былъ имъ привлеченъ потому, что, какъ самъ онъ объяснилъ намъ, мы въ это время были слишкомъ заняты экзаменами, въ этомъ году особенно трудными.

Въ первой половинѣ мая въ Москву пріѣхали гости, приглашенные на выставку. Это были ученые изъ славянскихъ государствъ—чехи, хорваты, болгары и др., и между ними были крупныя имена, стяжавшія себѣ славу, какъ въ наукѣ, такъ и въ политикѣ. Пребываніе ихъ въ Москвѣ сопровождалось разнаго рода манифестаціями въ славянскомъ, если даже и не въ славянофильскомъ духѣ, москвичи горячо проявляли свои искреннія симпатіи къ единокровнымъ народностямъ, живущимъ подъ игомъ нѣмцевъ и турокъ. Но, какъ ни единодушны были эти проявленія, а въ нихъ то и дѣло звучала нотка, дисгармонизировавшая съ общимъ настроеніемъ. Многими высказывалось недоумѣніе относительно того, какъ могло быть допущено такое демонстративное путешествіе славянскихъ ученыхъ, явно направленное противъ дружественныхъ Россіи державъ, и этому противопоставлялась гипотеза о томъ, что наши прибалтійскіе нѣмцы или финляндцы вдругъ поѣдутъ съ такими же политическими цѣлями въ Берлинъ или Стокгольмъ. Чтобы мы тогда сказали? Конечно высказывавшіеся въ такомъ смыслѣ готовы были видѣть въ этомъ непростительное попустительство со стороны правительства.

Наиболѣе крупною и по размѣрамъ знаменательною по значенію манифестаціею въ честь славянскихъ гостей былъ обѣдъ, данный имъ отъ города въ тѣмъ же павильонѣ въ Сокольникахъ. На этомъ обѣдѣ, на которомъ, по обычаю, рѣчи и тосты изобиловали, кто-то изъ пріѣзжихъ гостей, кажется профессоръ Ригеръ изъ Праги, высказалъ въ своей рѣчи удивленіе, что на этомъ общеславянскомъ праздникѣ отсутствуютъ поляки. Это дало поводъ сидѣвшему за столомъ кн. В. А. Черкасскому,—только что окончившему передъ тѣмъ свою миссію по руссификаціи царства польскаго и окончившему ее неудачно,—произнести обширную рѣчь, представлявшую цѣлый обвинительный актъ противъ Польши и польскаго народа. Этотъ инцидентъ въ значительной степени расхолодилъ общее повышенное настроеніе и конечно отразился на отношеніяхъ общества къ пріѣзжимъ гостямъ и къ происходившимъ въ ихъ честь манифестаціямъ. Не могу не отмѣтить, что громадное большинство въ московскомъ обществѣ стало на сторону Черкасскаго, быть можетъ потому отчасти, что воспоминаніе о возстаніи 1863 года еще далеко не изгладилось изъ памяти. Но говорившіе и думавшіе въ этомъ духѣ словно не замѣчали.

въ какое впадали они противорѣчіе и даже несообразность, оплакивая судьбу славянскихъ народностей, томящихся подъ гнетомъ австрійцевъ и отказывая полякамъ въ правѣ на самобытное существованіе. Это противорѣчіе, какъ извѣстно, прошло красною нитью черезъ всю послѣдующую нашу исторію.

XXII.

Я еще не говорилъ о московской общественной жизни. Правда, жизнь такъ называемыхъ свѣтскихъ круговъ,—въ то время претендовавшихъ на наименованіе великосвѣтскихъ,—представляетъ мало интереса, и повѣствованіе о ней было бы простымъ перечнемъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ бывали приемы, т.-е. болѣе или менѣе многочисленные балы и вечера, даваемые почти исключительно съ цѣлью «пристроить» созрѣвшихъ для замужества дочерей. Но были нѣкоторыя явленія ея, о которыхъ стоитъ вспомнить.

Въ то время въ Москвѣ еще существовалъ особый типъ свѣтскихъ кавалеровъ, уже не первой молодости, которые украшали собою дамскіе салоны, были неперемѣнными ихъ членами, благодаря своему тонко-развитому умѣнью вести бесѣды, кто бы ни былъ ихъ собесѣдниками—почтенныя ли дамы, юныя дѣвицы или мы, студенты. Участіе этихъ козѣровъ было неперемѣнною принадлежностью салонной жизни, и многіе изъ нихъ оставили въ своихъ современникахъ самыя хорошія воспоминанія. Таковъ былъ Г. А. Чертковъ, только что передъ тѣмъ отдѣлавшій себѣ изъ стараго дѣдовскаго дома роскошный дворецъ на Мясницкой (нынѣ домъ Обидина) и приспособившій правое его крыло подъ помѣщеніе своей богатѣйшей библіотеки, нынѣ перенесенной въ Румянцевскій музей. Таковъ же былъ кн. М. Багратіонъ-Мухранскій, по внѣшности и манерамъ напоминавшій французскихъ маркизовъ XVIII столѣтія. Появлялись въ московскихъ салонахъ и представители петербургскаго свѣта, но это были явленія болѣе или менѣе случайныя, мимолетныя, и притомъ многія изъ этихъ лицъ, казалось, жаловали въ Москву ради пріисканія себѣ богатой невѣсты, какими въ то время Москва славилась. Нельзя впрочемъ не отмѣтить, что свѣтской Москвѣ жилось въ то время весело, но въ то же время надлежитъ упомянуть объ одной характерной чертѣ этого «свѣта», которая унаслѣдована была ею отъ прошедшихъ эпохъ. Черту эту можно назвать исключительностью, съ примѣсю въ ней нѣкотораго барскаго чванства, которое молодежи уже и тогда представлялось либо утратившимъ свой смыслъ, либо просто комическимъ. Дѣло въ томъ, что въ свѣтскихъ кругахъ считалось неприличнымъ, недопустимымъ, чтобы

кто-либо изъ входящихъ въ ихъ составъ, принадлежащихъ къ нимъ по происхожденію, не только вращался въ другихъ общественныхъ кругахъ, но даже былъ знакомъ съ таковыми. Свѣтское общеніе допускалось только съ людьми или съ «домами» одного круга, одного происхожденія, даже одного рода семействъ, все же прочее, что не входило въ составъ этихъ салоновъ, какъ бы не существовало въ свѣтскомъ отношеніи. Эта исключительность или нетерпимость, давала порою поводъ ко всякимъ комическимъ инцидентамъ. Такъ наприимѣръ, однажды одинъ московскій вельможа, весьма гордый и напыщенный, возмутился тѣмъ, что его дочкѣ пришлось танцовать одну кадрили съ незнакомымъ ему офицеромъ, носившимъ французскую фамилію, однозвучную съ фамиліей его портного-француза. Надо было видѣть его негодованіе! И офицеру досталось отъ него и хозяевамъ бала. Но довольно о свѣтской жизни.

Въ то время въ Москвѣ существовали и процвѣтали нѣкоторые кружки, которые заслуживаютъ большаго вниманія и которые очень интересовали молодежь той эпохи. Такъ, центромъ одного такого кружка былъ престарѣлый кн. В. Ф. Одоевскій, жившій въ старомъ барскомъ домѣ на Смоленскомъ бульварѣ. У него собиралось многочисленное общество, состоявшее по преимуществу изъ литераторовъ и художниковъ, которые его боготворили. Было что-то привлекательное въ самой наружности его: сухощавый, щедедушный даже, съ тоненькими, довольно уже ослабѣвшими ножками, съ оживленнымъ, жизнерадостнымъ лицомъ. Несмотря на свои весьма преклонные годы, онъ сохранилъ какую-то особенную молодость души, всѣмъ интересовался, слѣдилъ за всѣми явленіями современной жизни и болѣе всего увлекался новыми произведеніями въ области литературы и искусства. Эта душевная молодость его ярко выразилась въ напечатанномъ имъ, кажется въ 1866 году, очеркѣ, озаглавленномъ имъ «Недовольно», который явился отвѣтомъ на «Довольно» Тургенева, и который, къ удивленію моему, такъ мало кому извѣстенъ.

Въ одномъ съ нимъ домѣ жилъ близкій его другъ С. А. Соболевскій, извѣстный въ исторіи литературы, какъ авторъ остроумныхъ и злыхъ эпиграммъ, а еще болѣе, какъ одинъ изъ самыхъ интимныхъ друзей Пушкина. Жилъ онъ одиноко, среди громадной библіотеки, полной самыхъ рѣдкихъ изданій, къ сожалѣнію послѣ его смерти разсѣявшейся нивѣсть какъ и куда, и только изрѣдка выѣзжалъ изъ дома въ клубъ и къ немногочисленнымъ своимъ знакомымъ, въ числѣ коихъ были и мои родители, и я помню, какъ любилъ я заслушиваться его бесѣдами, всегда интересными и содержательными. Онъ много путешествовалъ,

зналъ много извѣстныхъ людей за границей, переписывался съ ними и въ своихъ разговорахъ любилъ повѣствовать о нихъ. Теперь мнѣ досадно, что я не вслушивался болѣе, не вызывалъ его на болѣе откровенные рассказы, между прочимъ о Пушкинѣ, и не записывалъ многое, что онъ сообщалъ. Помню, какъ однажды онъ сказалъ, что если бы онъ былъ въ Петербургѣ зимою 1837 года, никогда не допустилъ бы онъ роковой дуэли Пушкина.

Другой кружокъ представлялъ собою наслѣдіе знаменитаго Грановскаго и состоялъ изъ бывшихъ его друзей. Часто ихъ называли Филипповцами, по церкви Филиппа митрополита, на Мѣщанской, въ приходѣ коей большинство изъ его членовъ жили. Наиболѣе крупною фигурою его былъ Н. Я. Кетчеръ, врачъ по профессіи, но конечно болѣе извѣстный, какъ другъ Грановскаго и Герцена, какъ литераторъ и переводчикъ Шекспира. Позднѣйшая моя служба сблизила меня съ нимъ, и я смѣло могу сказать, что это была одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей, которую я когда-либо встрѣчалъ. Характерна была его фигура, высокая, плотная, съ цѣлой копной сѣдыхъ волосъ, не знавшихъ, казалось, гребня, въ долгополомъ, всегда довольно запачканномъ сюртукѣ. Въ своихъ разговорахъ, щедро пересыпанныхъ остротами, шутками и сопровождавшимися громкимъ, заразителнымъ смѣхомъ, онъ никогда ничѣмъ не стѣснялся, но какъ въ его словахъ искрился священный огонь, такъ тонко и умѣло анализировалъ онъ все, что было ихъ предметомъ, какъ понималъ онъ и цѣнилъ литературу, театръ и пр.!

Вокругъ Кетчера группировались могиканы 40-хъ годовъ—Щепкины, Николай Михайловичъ, сынъ знаменитаго артиста и его племянникъ, недавно скончавшійся, Митрофанъ Павловичъ; А. В. Станкевичъ, профессора Мюльгаузенъ, Бодянской и др.; артисты Шумскій и Самаринъ и т. д. Реальнымъ центромъ этого кружка былъ домъ К. Т. Солдатенкова. Этотъ представитель московскаго купечества былъ личностью высоко-образованною, даже скажу культурною, онъ умѣлъ слить во-едино разнородные элементы этого кружка, дать имъ возможность высказываться устно въ его гостепріимномъ домѣ, печатно въ многочисленныхъ изданіяхъ, выпускаемыхъ на его средства, однимъ словомъ это былъ настоящій меценатъ.

Эта группа всецѣло одушевлялась свѣтлою памятью Грановскаго и изображала собою такъ называемое западническое направленіе. Въ противоположность ей были представители славянскаго направленія, но они не составляли отдѣльной, болѣе или менѣе сплоченной, группы или кружка. Отчасти центромъ, но случайнымъ, ихъ служилъ салонъ Е. А. Свербеевой, который

носили ярко литературный и политическій характеръ, параллельно со свѣтскимъ, благодаря многочисленной молодежи обо-его пола, какъ живущей въ этомъ домѣ, такъ и посѣщающей его. Но славянофилы лишились уже въ то время главныхъ своихъ устоевъ—Хомякова и Аксаковыхъ, стараго Сергѣя Тимофеевича и его сына Константина, умершихъ незадолго передъ этими годами. Наиболѣе виднымъ представителемъ этой школы былъ А. И. Кошелевъ, когда то редактировавшій ея органъ «Русскую бесѣду», но въ это время онъ болѣе увлекался земскою дѣятельностью и нѣсколько отсталъ отъ своихъ политическихъ и націоналистическихъ единомышленниковъ. Никита Гиляровъ-Платоновъ и Иванъ Аксаковъ поглощены были изданіемъ своихъ газетъ, Ю. Самаринъ всецѣло посвящалъ себя городскимъ дѣламъ, а кн. Черкасскій въ то время не подолгу живалъ въ Москвѣ.

Очевидно мы, студенты, имѣли мало касательства къ этимъ кружкамъ, но тѣмъ не менѣе чувствовали мы вѣянія отъ нихъ, до насъ долетавшія при посредствѣ кое-кого изъ нашихъ товарищей, которые были въ родствѣ съ членами ихъ. Вѣянія эти были какъ политическія, такъ и художественныя, и вотъ по поводу этихъ послѣднихъ мнѣ надлежитъ отмѣтить одно явленіе, имѣвшее мѣсто и въ мое время среди студентовъ. Многіе изъ насъ увлекались литературой, и нерѣдко такое увлеченіе превосходило въ нихъ интересъ къ курсовымъ занятіямъ, и, въ силу общности этого увлеченія и условій товарищества, сплочивающихъ ихъ въ ежедневное общеніе другъ съ другомъ, между ними образовались небольшіе кружки, съ цѣлью совмѣстнаго чтенія и изученія литературныхъ произведеній. А въ эпоху моего университетскаго 4-лѣтія было что читать!

Начать съ того, что въ эти годы русская публика впервые ознакомилась съ полными собраніями твореній Шекспира, Шиллера и Байрона, издаваемыхъ Гербелемъ. Не могу не сказать, что творенія англійскаго барда пользовались особеннымъ успѣхомъ и любовью въ томъ небольшомъ кружкѣ, въ которомъ я участвовалъ. Мы буквально зачитывались Чайльдъ-Гарольдомъ, Абидосскою невѣстой и др. и само собою многое изъ вычитаннаго переносили въ реальный, насъ окружавшій міръ. Что касается до русской литературы, то смѣло можно назвать ту эпоху блестящею. Только что появился «Дымъ» Тургенева, вызвавшій восторгъ въ однихъ и нескрываемое негодованіе въ другихъ, не безъ обиды узнавшихъ въ немъ себя или своихъ близкихъ. Послѣдовательно появлялись на свѣтъ «Война и миръ», и любопытно было наблюдать, какъ читающая публика реагировала на это безсмертное твореніе, словно боялась высказывать свои взгляды и мнѣнія и ими

нарушить величіе и красу его. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» ежемѣсячно выходило по нѣсколько главъ «Преступленія и Наказанія», и мы, студенты, тѣмъ болѣе были загнипнотизированы этимъ твореніемъ, что въ немъ изображено было одно событіе, случившееся въ наше время въ московскомъ университетѣ, а именно убійство ростовщика однимъ студентомъ. На сценѣ Малаго театра впервые были поставлены «На всякаго мудреца довольно простоты», и «Горячее сердце» Островскаго. Въ концѣ 1868 года въ одной книжкѣ «Вѣстника Европы» появилось краткое объявленіе, что съ 1-й книжки слѣдующаго года начнется печатаніе новаго романа И. А. Гончарова, заглавіе котораго еще не было обозначено. То былъ «Обрывъ». Какъ же зачитывалась имъ наша молодежь, по мѣрѣ того, какъ главы одна за другою появлялись! И долженъ я признаться, что очень многіе изъ моихъ сверстниковъ-студентовъ узнали себя въ Райскомъ!

Не подлежитъ сомнѣнію, что такая богатая и блестящая эпоха нашей отечественной литературы, это обиліе крупнѣйшихъ твореній, послѣдовательно появлявшихся въ короткое время другъ за другомъ и жадно поглощавшихся молодежью, воздѣйствовали на все развитіе ея міросозерцанія, на всю ея душевную жизнь, наложили на нее извѣстную печать, не изгладившуюся въ ней и въ послѣдующіе годы. Думаю, мои современники этого оспаривать не будутъ.

XXIII.

Въ какой степени московскій университетъ въ мое время отвѣчалъ своимъ задачамъ, и стоялъ ли на высотѣ времени и его требованій? Отвѣтить на такой вопросъ мнѣ представляется довольно затруднительнымъ потому уже, что университетъ, какъ живой и многообъемлющій организмъ, мнѣ былъ извѣстенъ исключительно съ студенческой, то есть, односторонней точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе, однако же я считаю себя въ правѣ высказать нѣкоторыя общія соображенія о положеніи университета въ ту, уже столь далекую отъ насъ, эпоху, которая, какъ мнѣ кажется, должны служить заключеніемъ для моихъ личныхъ воспоминаній.

Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда я былъ студентомъ, въ стѣнахъ московскаго университета прочно хранилась традиція о болѣе ранней его эпохѣ, наиболѣе блестящей въ ряду другихъ, которая именовалась Строгановскою эпохою. Насколько эта характеристика оправдывалась дѣйствительностью того времени, и не было ли въ ней обычнаго для всякаго рода традицій преувеличенія, судить я не берусь. Быть можетъ, моя эпоха, т.-е. 2-я половина 60-хъ годовъ, въ свою очередь создала традицію

о своемъ блескѣ, въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній, какъ членовъ профессорской корпораціи, такъ и студентовъ. Если мнѣ, пережившему ту эпоху, она представляется блестящею, свѣтлою, то весьма возможно, что такое сужденіе о ней имѣетъ основаніе свое въ чисто субъективномъ отношеніи къ ней, ибо врядъ ли найдется человѣкъ, который пережилъ бы студенчество и не считалъ бы эту пору, т.-е. пору расцвѣта юности, со всею ея красой одною изъ лучшихъ поръ своей жизни и который, въ душѣ своей, не распространялъ бы эту красу и на самый университетъ.

Все мое повѣствованіе на предшествующихъ страницахъ въ достаточной степени свидѣтельствуешь о томъ, что въ мое время университетъ стоялъ на высотѣ своего назначенія, какъ по крупнымъ силамъ, входившимъ въ составъ его профессорской коллегіи, такъ и по характеру и достоинствамъ всего его внутренняго быта. Да и мои современники-студенты, въ общей совокупности своей, могли бы постоять за себя! Но конечно были и тѣневые стороны, зависѣвшія не столько отъ какихъ-либо индивидуальныхъ недостатковъ, или отъ пробѣловъ уставомъ установленнаго строя, сколько отъ нѣкоторыхъ явленій университетскаго быта, сложившихся временемъ, преданіями прошлаго и нерѣдко преобладающею въ человѣческой дѣятельности, особенно нашей русской,—рутиной. Въ числѣ этихъ явленій нельзя не указать на недостаточность общенія профессора съ слушателями, и это требуетъ нѣкотораго объясненія. Дѣло въ томъ, что въ то время университетское преподаваніе силою вещей поставлено было въ рамки простого учительства, т.-е. студентъ слушалъ профессора, подготовлялся затѣмъ къ экзамену у него же и, по мѣрѣ силъ и способностей, его сдавалъ. Общеніе студента съ профессоромъ, помимо этихъ рамокъ, либо бывало случайнымъ, по взаимному знакомству ихъ внѣ аудиторіи, либо вызывалось оно личною, такъ сказать надобностью, когда студенту требовался совѣтъ, указаніе или руководство. Такъ называемыя семинаріи были въ то время еще въ зародышѣ. Конечно, среди профессоровъ были исключенія,—и о нихъ я выше упомянулъ,—были между ними такіе, которые любили и считали это своимъ дѣломъ—имѣть вокругъ себя молодыхъ силы, руководить ими, создавать изъ нихъ школу для будущаго. Но это были исключенія, и притомъ въ основѣ этихъ группъ, послѣдовательно сплотившихся вокругъ того или другого профессора, лежала спеціализація научнаго труда. Эти молодые люди, примыкавшіе къ профессору, были тѣ, кто уже на университетской скамьѣ намѣтили себѣ спеціальность. Много такихъ спеціалистовъ вышло изъ подъ крылышка, напри-
мѣръ, А. П. Богданова, С. М. Соловьева, Ф. И. Буслаева и др.

Но указанное мною отсутствіе или недостаточность взаимнаго общенія между профессоромъ и его слушателями не уничтожалось этими исключеніями, разъ оно вошло такъ сказать въ обычай, въ строй нашего университетскаго быта, и поэтому нельзя не отмѣтить, что со мною одновременно вышло изъ стѣнъ нашей alma mater много достойныхъ, свѣтлыхъ личностей, сумѣвшихъ въ дальнѣйшемъ себя показать, но специалистовъ среди насъ было мало, т.-е. такихъ специалистовъ, которые, въ послѣдующей своей жизни, работали въ области той или другой науки не ради преподаванія ея другимъ, а исключительно ради обогащенія своихъ познаній въ ней и удовлетворенія своего любознания въ особо полюбившейся имъ отрасли его.

Одно изъ наиболѣе крупныхъ достоинствъ университетскаго быта въ мое время—да, думаю я, и во всякое время,—заключалось въ томъ, что вступившій въ число студентовъ юноша не только чувствовалъ себя, но дѣйствительно дѣлался взрослымъ мужчиной, реальнымъ членомъ общества. Если многіе студенты были уже взрослыми, какъ по годамъ, такъ и по пройденной ими болѣе или менѣе суровой житейской школѣ, то большинство были мальчишки, юноши, привыкшіе жить подъ чьимъ либо крылышкомъ, учиться въ классѣ по заданнымъ изъ учебниковъ урокамъ, умѣвшіе думать, размышлять, чувствовать даже по указкамъ. Вотъ почему такой юноша, впервые переступая порогъ университетской аудиторіи, переживалъ первый кризисъ своей жизни, критическій переходъ отъ положенія опекаемаго къ положенію совершеннолѣтняго, и этотъ кризисъ оставлялъ самыя лучшія, самыя дорогія воспоминанія, конечно, еще и потому, что онъ совпадалъ съ расцвѣтомъ самой лучшей поры его молодости, когда все въ немъ и кругомъ него дышало поэзіей, одушевленіемъ идеалами.

Съ этимъ кризисомъ тѣсно связана была другая черта или особенность всего уклада университетской жизни, которая представляется однимъ изъ крупныхъ и по моему несомнѣнныхъ ея достоинствъ, вопреки раздававшихся, и въ мое время, и доселѣ часто раздающихся сѣтованій на нее. Это отсутствіе въ университетскомъ строѣ воспитательныхъ цѣлей и, какъ послѣдствіе сего, полное и абсолютное равенство студентовъ передъ преподаваніемъ имъ науки. Университетъ есть высшая научная школа, поступающій въ нее юноша ищетъ въ ней только науку, познаніе ея въ предѣлахъ своихъ индивидуальныхъ способностей и воспріимчивыхъ силъ, а занимающій кафедру профессоръ обязанъ преподавать эту науку ищущимъ, но ни студентъ не долженъ искать въ аудиторіяхъ усовершенствованія своего личнаго воспитанія, ни про-

фессоръ не обязанъ заботиться о томъ же въ своихъ слушателяхъ. Такой характеръ университетскаго быта исходитъ изъ того, что какъ и уже говорилъ, студенту присвоится своего рода совершеннѣе, зрѣлость, болѣе не нуждающаяся въ воспитаніи. При этомъ совершенно безразлично, кто такой этотъ студентъ, каково его происхожденіе,—сынъ ли онъ сановника или крестьянина, бѣденъ ли онъ или богатъ. Повторяю—эта характерная черта университетскаго быта, которую можно смѣло назвать основною чертою его, вызывала постоянныя нареканія, и рядомъ съ считавшими ее положительнымъ достоинствомъ этого быта, были многіе, видѣвшіе въ ней одинъ изъ наиболѣе зловредныхъ его недостатковъ. Такое отрицательное отношеніе къ университету, какъ извѣстно, создало популярность тѣхъ привилегированныхъ учебныхъ учрежденій съ высшимъ курсомъ наукъ и съ правами высшихъ школъ, въ которыхъ видятъ противовѣсъ университетскому демократизму и равенству всѣхъ передъ наукой и задачами ея усвоенія и, въ которыхъ, сверхъ преподаванія ея, еще и воспитываютъ юношей, отшлифовываютъ ихъ для цѣлей ихъ дальнѣйшихъ карьеръ, по большей части не имѣющихъ ничего общаго съ наукой.

Я не могу иначе назвать, какъ предразсудкомъ, такое воззрѣніе, къ сожалѣнію еще весьма распространенное, на университетъ, какъ на обыкновенное учебное и даже учебно-воспитательное заведеніе. Нѣтъ, университетъ есть организмъ, не только отражающій въ себѣ какъ зеркало, все его окружающее, всю жизнь, общественную и народную, но живущій этою жизнью, являющій собою кусочекъ, частицу этой жизни во всемъ ея объемѣ. Все, что происходитъ въ обществѣ, въ народѣ, въ цѣломъ мірѣ, встрѣчаетъ отголосокъ въ университетскихъ стѣнахъ и отголосокъ звучный, горячій, увлекающійся порою до какого-то опьянѣнія, благодаря тому, что звучитъ онъ въ молодыхъ умахъ, горячихъ и легко увлекаемыхъ. Вотъ съ этой точки зрѣнія и надлежало, казалось бы, глядѣть на тѣ волненія среди студенческой молодежи, которыя и въ мое время происходили, и какъ бы періодически повторялись въ послѣдующія, и которыя именуются студенческими беспорядками. Я не говорю о волненіяхъ, которыя вызываются жѣсткими, домашними причинами, — недоразумѣніями на лекціяхъ, выходками, нарушающими нормальное теченіе занятій, забвеніемъ внутренней дисциплины и этики и т. д. Но въ волненіяхъ, имѣющихъ общественный характеръ,—я не говорю политическій, ибо таковой зачастую пристегивается къ нимъ искусственно,—должно искать источникъ или причину не въ организмической, такъ сказать, неблагонадежности университетской

молодежи, не въ ея яко бы поголовномъ радикализмѣ, а именно въ томъ, что она, эта молодежь, носитъ въ себѣ все то, что волнуетъ общество, отражаетъ въ себѣ всѣ его чаянія, надежды, разочарованія и по своему, по юношески, реагируетъ на нихъ.

На этомъ я кончаю свои университетскія воспоминанія, съ надеждой, что внесъ, хотя бы очень малую, свою лепту въ столь богатую и внушительную лѣтопись дорогой всѣмъ намъ *alma mater*.

Кн. В. М. Голицынъ.
